

ЛЕГЕНДА

О

РЫЖЕМ

ДРАКОНЕ

Милена Күшкина

Милена Кушкина

Легенда о рыжем драконе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69209068

SelfPub; 2023

Аннотация

Я очнулась в чужом мире в теле крестьянской девочки, которую должны продать замуж как бесправную скотину. Как распорядиться знаниями из прошлой жизни, чтобы изменить судьбу? Сбежать от мачехи, получить образование, восстановить разоренный замок и, наконец, встретить легендарного дракона – вот мой план на ближайшую жизнь. Только на мою свободу снова и снова покушаются алчные родственники, желающие извлечь из замужества максимум выгоды

Содержание

Глава 2	18
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Милена Кушкина

Легенда о рыжем драконе

Пролог

– Антонина Семеновна! Дети вас так любят, ну что вам дома на пенсии делать? Молодая, активная, детей, внуков нет! А где мы еще учителя найдем, чтобы так предметом своим горел? – пищала телефонная трубка голосом завуча.

– Спасибо, Оксана Валерьевна, но я лучше подольше останусь молодой и активной, чем потрачу эти несколько лет, пока я полна сил и энергии, на чужих невоспитанных отпрысков, – отрезала я и сбросила вызов.

Да, в школе не принято уходить на пенсию сразу по достижению пенсионного возраста. Но собственная квартира и хорошие накопления, оставшиеся от покойного мужа-профессора, а так же подработка репетитором, давали надежду на комфортную старость.

Детей у нас с мужем так и не случилось, о чем частенько любили напомнить коллеги, когда спихивали на меня сверхурочную работу. Да еще о нерастраченной материнской любви и теплоте говорили.

Учеников я действительно любила, но только тех, кто с интересом относился к предмету. А их не так много сейчас.

После выхода на пенсию я хотела попутешествовать по миру. Увидеть вживую те исторические места, о которых так

часто рассказывала на уроках, вдоволь походить по музеям и полюбоваться на костюмы и предметы быта из разных исторических эпох.

Звонок завуча как раз отвлек меня от выбора путевки. Я искала спокойный отель вдали от туристических троп, но поближе к археологическим памятникам. Однако долго изучать сайт турфирмы мне не дали. Раздался новый телефонный звонок. Я со вздохом сняла очки и взяла телефон.

– Здравствуйте, Антонина Семеновна! Это Петр Сергеевич Ивашенко!

– Здравствуйте, – ответила я, но никакого Петра Сергеевича припомнить не могла.

– Петя Ивашенко, – пояснил собеседник, – ваш выпускник!

Память подкинула образ кудрявого мальчишки в очках с толстенными линзами. Он был гордостью школы и отличником по всем предметам. Историю, правда, любил искренне. Я много времени проводила с ним мечтая, что однажды у меня будет сын, похожий на него. После выпускного я его не видела. Прикинула, сколько ему сейчас должно быть. Лет тридцать, не меньше.

– Ох, Петенька, здравствуй! Какими судьбами?

– Хочу пригласить вас на раскопки, которые проводит наш институт, и которые я возглавляю. Бронзовый век. Открытый лист получили, выезжаем через неделю. Комфортные условия проживания в палаточном городке, для вас да-

же раскладушка будет и электричество.

– Ну не знаю, это так неожиданно, – с сомнением ответила я, косясь на горящие туры в Грецию, которые манили с экрана монитора.

– Я же помню, как мы ездили на экскурсию на раскопки на Южный Урал, – настаивал бывший ученик, – а теперь сам там буду копать. Приезжайте, мне будет очень приятно. Тем более, что уроков у вас сейчас нет. Я вас в школе сначала искал, там мне телефон и дали.

Не могу сказать, что меня не заинтересовала археологическая экспедиция. Когда тебе не нужно копать от рассвета до обеда, то такая поездка вполне может стать захватывающим приключением. Немного подумав, я согласилась. А Греция никуда не денется – моя счастливая жизнь на пенсии только начинается!

Петя Ивашенко из скромного отличника превратился в интересного мужчину, популяризатора науки, блогера и кого-то еще. Поэтому и экспедицию организовал по-современному, а не как раньше. Здесь и онлайн-трансляции, и комфортабельные палатки с электричеством от генератора. Все с фотоаппаратами и ноутбуками. Одни копают, другие тут же оцифровывают данные и строят модели. А по вечерам лекции и жаркие обсуждения, в том числе и по видеосвязи с коллегами из других институтов.

Бытовые условия тоже были организованы по высшему разряду. Трехразовое питание, свежие фрукты и овощи, вы-

печка, которую привозили из соседнего села. Это вам не гречка с тушенкой на воде из ближайшей речушки! Баня, туалет, места для стирки – все, без чего современный человек не сможет прожить и дня.

Цели своего пребывания в данной экспедиции я не понимала. Мне выделили отдельную палатку, кормили, развлекали интересными лекциями и захватывающими дискуссиями с коллегами-историками. Даже до дежурства на кухне не допускали, хотя готовить на открытом огне без привычных кухонных приспособлений мне самой бы не доставило удовольствия. Про то, чтобы копать вместе со студентами и волонтерами даже и речи не шло. Похоже, мой бывший ученик просто наслаждался тем, какое впечатление может произвести на бывшую школьную учительницу.

По вечерам же было все то, что запоминалось участникам экспедиции, чтобы потом годами храниться в памяти: песни под гитару, костер посреди ночной степи и парочки, разбредающиеся посмотреть на звезды.

Время от времени приезжали геологи, химики и другие специалисты, чтобы помочь определить возраст или состав породы. С ними тоже было интересно прогуляться и послушать спонтанную лекцию об отложении горных пород и заиливании русла реки.

Мы как раз шли вдоль среза земляного вала, Петр Сергеевич, как все тут называли моего бывшего ученика, рассказывал коллегам и студентам о примерном возрасте поселе-

ния, которое сейчас исследовалось.

– Вот здесь мы видим черную прослойку угля. На этом месте горел костер не одну сотню лет. А вот здесь следы дерева. Возможно, стена дома. Под ней глиняные осколки.

– Может, клад зарыли, – засмеялся кто-то из студентов.

– Может и клад, а может просто бытовой мусор, – ответил Петр Сергеевич и сделал фотографию участка, о котором только что говорил.

Все двинулись дальше, Ивашенко продолжил лекцию, а тот студент, что говорил о кладе, был как раз впереди меня. И тут этот малолетний вандал незаметно ковырнул глиняный черепок пальцем, когда проходил мимо. А ведь сколько раз объясняли, что трогать памятники запрещено. Ведь они от этого разрушаются!

Внезапно, земляной вал словно ожил, земля и песок поехали вниз. Случился оползень. Я успела увидеть странный блестящий предмет, вывалившийся из ниши вслед за глиняным осколком, машинально подхватила его и уже в следующее мгновение была сбита с ног земляным валом и погребена под тяжелыми комьями. Острая боль в ноге оглушала. Вдохнуть было невозможно. В глазах потемнело и я потеряла сознание.

Глава 1

Очнулась я резко, словно вынырнула из под воды. Рядом никого не было, кажется, я лежала в своей палатке – легкий полумрак и запах примятой травы, земли и ... навоза. Навер-

ное, я вся испачкалась в земле, когда случился этот обвал.

Солнечные лучи пробивались через щели в стене. Стоп! Какие щели в палатке? Я повернула голову – стена была дощатая. В ярких солнечных лучах роились пылинки. Да и комната была побольше, чем моя палатка. Может быть меня отвезли в сельский медпункт? Тогда понятно, почему пахнет коровами.

Сколько же прошло времени? Поднесла руку, чтобы посмотреть время на умном браслете, и чуть не вскрикнула! Браслет пропал! Вместе с моей рукой! Точнее, рука была, но не моя. Я смотрела на незнакомую девичью руку с тонкими пальцами и узким запястьем. Под изломанными ногтями грязь. Куда делись такие знакомые руки с пигментными пятнами и истончившейся кожей? И где мой безупречный маникюр?

В панике я попыталась встать, но тело не слушалось. В голове зазвенело, комната поплыла, и я упала на постель.

Очнулась уже вечером. В комнате было темно, свет никто не включал. Сесть получилось с первой попытки, комната больше не пыталась вращаться. Я спустила босые ноги на земляной пол и попыталась нащарить обувь. Ее не было.

Огляделась. К моему удивлению, глаза неплохо видели даже в полумраке. Кажется, очки мне больше не нужны. На столике у постели стояла глиняная кружка. Сразу же нестерпимо захотелось пить. Дрожащими руками я взяла неказистую посудину. Принюхалась. Кажется, какой-то травяной отвар

или чай. Разлепив иссохшие губы, я сделала глоток. Приятный терпкий вкус.

Естественные потребности заставили встать и отправиться на поиски туалета. Встав, я поняла, что как-то непривычно ощущаю себя в пространстве. Кажется, я стала немного ниже и мое тело теперь менее габаритно. Одета я была в странного вида сорочку до колена.

Путь до двери занял, кажется, целую вечность. Ноги едва слушались, в голове снова шумело. Пошарив по двери, я не нашла ручки. Пришлось толкнуть плечом. Дверь не поддавалась, я решила навалиться посильнее.

Я отошла на шаг назад, чтобы добавить ускорения. Внезапно дверь распахнулась, и я со всего размаха упала на руки пожилой женщины.

– Тонька, озорница! Чего творишь! – воскликнула старушка. – Кто вставать разрешил?

– Мне б в туалет, – ответила я незнакомым охрипшим голосом.

– Дохтур сказал лежать тебе надоть, а ты встала вот, – ворчала женщина, – идем уж, провожу, а то сама не дойдешь. Ишь, как былинку на ветру мотает!

С этими словами женщина подхватила меня под руку и помогла выйти из комнаты. И тут я не смогла сдержать стон. Потому что поняла, что нахожусь отнюдь не в сельской клинике.

Земляной пол, грубые бревенчатые стены, лавки и широ-

кий стол у одной стены и криво сложенная печь у другой. Моя провожатая посчитала, что стон связан с моим недомоганием и покрепче ухватила меня под руку.

– Как бы не упала, пока дойдем куды надо, – озабоченно пробормотала она и потащила меня к выходу.

На улице было не так темно, как в дома. Солнце уже село, но вечерние сумерки еще только начинали сгущаться. Мы прошли мимо сарая, откуда доносилось мычание. Громко ругалась какая-то женщина:

– И как Тонька справлялась с вами окаянными! А ну, стой смирно!

– Ишь как Марта лютует, – усмехнулась моя провожатая, – видать, мать ее отравила твою работу делать.

Какую работу? Кто такая Марта и при чем тут коровы? В голове хороводился миллион вопросов, но я решила пока их не задавать. Ситуация была странной и не хотелось сразу показывать, что я ничего не понимаю.

Пока мы дошли до туалета стандартного вида, какой бывает во всех деревнях, я успела увидеть огромный огород, простиравшийся метров на пятьсот вдаль.

– Давай тут недолго, я покуда пойду мальчишек домой загоню, – сказала мне женщина и оставила у дверей туалета.

Оставшись одна, я решила немного рассмотреть свое тело. Длинные худые ноги, полное отсутствие белья. Пошупав все, что нельзя было охватить взглядом, я снова застыла. Тело точно было не мое! Вместо женственной фигуры

со слегка излишними округлостями, я получила тело девочки-подростка.

Выйдя из туалета, я заметила деревянную бочку с водой. Решила умыться, а заодно и на лицо посмотреть, как получится. Я с опаской взглянула на темную поверхность воды. Оттуда на меня испуганно вытаращилась симпатичная девчонка со спутанными грязными волосами. Однако черты лица были правильные, а широко распахнутые глаза – синие. И потрескавшиеся губы, небольшие и по-детски пухлые.

Погрузив тонкие ладони в прохладную воду, я наспех умылась. Как раз в это время мимо пронеслись двое мальчишек лет семи-девяти. За ними вполне резво бежала моя провожатая, размахивая длинным прутиком.

– Вот вам, бесстыдники! Моркву они у соседки воруют, когда своей полон огород!

– Ай! Не надо, баба! Мы больше не будем! – прокричали мальчишки и скрылись за поворотом.

– Чего любишься? Конечно, отмывать тебя придется, после того, как три дня провалялась в беспамятстве! Уж и не надеялись, что очухаешься, – сказала мне женщина.

– А что со мной случилось? – я снова вздрогнула от звука собственного голоса.

– Дык упала, когда отцу помогала крышу крыть. Говорила я Ирге, что не дело это – девке по крышам лазить. Но она уперлась, не разрешила наймитов позвать. Так вы с отцом и полезли дыру латать.

– Ничего из этого не помню, – честно сказала я.

– Да оно и видно! Вон даже чудно говоришь как-то. Ладно, пошли домой, отдыхать тебе надо. Ирга-то поди уж дома, заругается опять.

Я вздохнула и поплелась следом, гадая, кем мне придется эта женщина, пробежавшие мальчишки и незнакомые пока Ирга и Марта.

Пока добрались до лачуги, которую по недоразумению называли домом, совсем стемнело. В траве стрекотали кузнечики. Едва уловимо пахло цветами и чем-то горелым.

Когда мы вошли в дом, я поняла, что запах гари шел именно отсюда – от очага дымило и пахло подгоревшей кашей. В доме было не намного светлее, чем на улице. Видимо в той реальности, в которой я случайным образом оказалась, никаких благ цивилизации, в том числе и электричества, еще не изобрели. А в том, что это была другая реальность и чужое тело, я уже не сомневалась.

– Марта, чертовка, ничего доверить тебе нельзя! – кричала женщина лет сорока, в неопрятном платье и грязном переднике на девочку-подростка, суетившуюся у очага.

Старушка, шедшая впереди меня, протиснулась вперед, оттеснив кричавшую от всхлипывающей Марты и принялась колдовать над котелком.

– Знаешь, же, Ирга, что она не управится, а туды ж! – гаркнула она.

Девочка размазывала слезы по грязным щекам. В углу

дрались мальчишки, вырывая друг у друга какую-то тряпицу. Ирга схватила стоявший в углу веник и несколько раз прошлась по ногам и спинам сорванцов.

– Что за шум опять? О, Тонька, живая! – В дом вошел высокий бородатый мужчина. – Мать, опять на Иргу ворчишь?

Ирга сразу приосанилась и с важным видом принялась расставлять посуду на столе. Неровные глиняные тарелки, деревянные ложки... Следом легли ломти хлеба, зеленый лук, кувшин с чем-то кислым. В довершение старушка, которая, видимо, приходилась мне бабушкой, поставила в середину стола котелок со спасенной кашей. Все домочадцы быстро расселись вокруг, а я замерла, не зная, что делать. Желудок меж тем урчал и требовал пищи.

– Тонька, тебе приглашение нужно особое? Так я это скоро могу, – снова возмутилась Ирга.

Я быстро заняла единственное свободное место на лавке, усевшись между Мартой и бабушкой. С опаской поглядывая по сторонам и стараясь не привлекать внимания, повторяла то, что делали остальные.

Схватив кусок ароматного хлеба и кривую ложку, я принялась есть из общего котелка вместе со всеми. К моему удивлению, хоть пища и была простой и довольно пресной, но оказалась не хуже, чем приготовленная на полевой кухне в лагере.

Ирга налила всем в кружки напиток из кувшина, который оказался чем-то вроде очень кислого кваса. Ужин еще не за-

кончился, а у меня уже глаза слипались и перед глазами снова все поплыло.

– Тонька, иди ляг, а то прям за столом уснешь! Марта, помой посуду, – скомандовала бабушка. – Парк и Тир, помогите сестре!

Я с трудом поднялась и, пошатываясь, направилась в свою комнату. По дороге повторяя про себя имена мальчишек, чтобы не забыть до утра.

В комнате пахло лежалыми тряпками. Несмотря на приличного размера щели в стенах, притока свежего воздуха не было. Только сейчас я поняла, что здесь не было окна, как и в общей комнате.

Найдя в полумраке свою постель, я поспешила сесть, потому что дрожащие ноги уже не держали вдруг потяжелевшее тело. Надо бы переодеться, неизвестно, сколько эта девочка, в чьем теле я оказалась, пролежала в беспомощности.

Никакого шкафа или сундука, в котором могла быть сменная одежда, я не заметила. Но заметила еще одну постель у противоположной стены. Кажется, я жила в этой комнате не одна. Скорее всего, в соседках у меня была Марта, девочка, которая чуть не спалила кашу.

В подтверждение моих слов дверь скрипнула, и в комнату проскользнула немного угловатая и слегка сутулая фигурка худенькой девочки.

– Спишь? – Буркнула Марта, укладываясь на постель прямо в одежде, не заботясь о чистоте белья.

– Нет, голова болит, – честно ответила я, стараясь устроиться поудобнее.

– Мы думали, что ты уж не очухаешься, – продолжала делиться такой ценной для меня информацией девочка, – мать даже доктора не стала звать, мол, нечего денег тратить. А бабка твоя уперлась рогом, говорила про силу крови. Притащила ведуна, вот он тут сутки почти курения свои жег. Мне пришлось у мальчишек на полу спать. А поди ж ты! Очнулась. Может и калекой не станешь, и Кайл не откажется за муж брать.

Я лежала на твердой колкой подушке и ловило каждое слово. На рассуждения о предстоящей свадьбе язык Марты начал заплетаться, и она уснула. А я пыталась осмыслить все, что узнала.

Нет сомнений, что я попала в чужое тело в каком-то другом времени. Несомненным плюсом было само это тело – молодое, здоровое. К лицу тоже никаких претензий, девочка была вполне миловидной.

А дальше начинались сплошные минусы: никаких понятий о гигиене, из лекарств, наверняка, только подорожник, хотя Марта упомянула платного доктора и странного ведуна, шамана скорее всего. Хорошо бы у него потом узнать, что за ритуал забросил меня в это тело.

Возможно, в своем мире я умерла, когда меня засыпало землей, а в этот момент шаман как раз проводил обряд по “оживлению” бесчувственного тела девочки. Скорее всего,

несчастливая тоже умерла, и моя душа заняла ее место.

Определенным минусом было финансовое состояние семьи. Даже в древних обществах было разделение на богатых и бедных. И я, определенно, попала ко вторым.

Еще и жених маячил на горизонте. Скорее всего, меня постараются поскорее сбыть с рук некому Кайлу. Если общество патриархальное, то прав у меня после замужества не будет никаких, а потому это мероприятие нужно постараться отложить. В идеале и вовсе придумать способ, как избежать замужества, чтобы не остаться до конца своих дней в этих условиях. Иначе есть риск умереть в ближайший год после свадьбы во время родов. Иллюзий по поводу уровня развития медицины в этом месте у меня не было.

С этими мыслями я забылась тяжелым сном, во время которого почему-то собиралась рожать от Петра Ивашенко прямо в палатке.

Глава 2

Проснулась я от тычка в бок. Ощутимого такого. Не успев осознать, где я и кто так нагло вторгся в мое личное пространство, как услышала окрик. Тычок повторился.

– Поднимайся, лежебока! Солнце уже поднялось, а ты и так столько дней пролежала, бездельница! Если не будешь работать, то и кормить тебя не буду!

Я с трудом разлепила глаза. Осознание пришло не сразу. Надо мной стояла неопрятная женщина, уперев руки в бока. Ирга, моя мачеха. Точнее мачеха девочки, в чье тело я попала. Очень хотелось объяснить дамочке, что такое поведение недопустимо. Но я была не в том положении. Для начала придется немного освоиться и узнать побольше о моих правах, в том числе имущественных. А то выдадут замуж насильно.

Пришлось подниматься. Марты в комнатухе уже не было. Я немного растерялась, не зная, как себя вести, чтобы не вызывать подозрений. Должна ли я переодеться, где я могу умыться и как тут почистить зубы, принято ли в этой семье завтракать – голова разрывалась от сотни вопросов.

– Быстро умывайся. Будешь возиться – пойдешь работать без завтрака, – произнесла Ирга, оборачиваясь на пороге.

Я резко встала, голову повело. Похоже, что тело было еще не совсем в порядке. Возможно, у девочки и вовсе было со-

трясение мозга. Придерживаясь за стенку, я подождала, пока головокружение пройдет. В комнате все так же не было и намека на сменную одежду, и я сделала вывод, что переодевание не планировалось.

В большой комнате, кроме Ирги, я увидела старушку, которая, видимо, приходилось мне бабушкой. Та протянула мне в руки не очень чистую тряпку и вытолкала во двор, приговаривая:

– Поди, умойся на задах. Да платок надень, шоб головы не напечь и народ не распугать. А волосья твои вечером в мыльне разберем.

Я растерянно вертела в руках тряпку, которая оказалась не очень чистым светлым платком. На улице я свернула в сторону туалета, разумно посчитав, что “зады” должны находиться именно там. Было прохладно и я шла, поеживаясь. Мокрая от росы трава холодила босые ноги. Судя по возгласам мальчишек, которые слышались впереди, направление было выбрано верно.

Умываться предполагалось всем вместе из небольшого деревянного корыта, стоявшего на лавке у забора. Марта уже закончила с умыванием и шла домой. Ни намека на зубную щетку или ее аналог. Парк и Тир азартно пихали друг друга то от корыта, то в него и брызгались. Вода была ледяная, и от холода сводило пальцы. Но я все равно постаралась умыться как можно тщательнее, ополоснув не только лицо, но и шею.

После утренних процедур мы все вместе поспешили вер-

нуться в дом, где наспех позавтракали подсохшим хлебом, кислым сыром и чем-то, похожим на печеный картофель.

– Хватит сидеть, до жары не успеете! – ворчала Ирга, входя в комнату. – Марта и Тонька на прополку дальних грядок. Парк и Тир на полив.

Я старалась повторять все за Мартой: как она повязывает платок, достает с полки берестяной туюсок и наполняет его водой, берет мотыгу. Добрая старушка сунула мне в руки узелок с парой кусков хлеба.

Выйдя из дома, мы прошли мимо многочисленных деревянных построек, в которых я потихоньку начинала ориентироваться. За последним, немного покосившимся сараем, простирался огород. Нет, огородище. Надел был обнесен кривым забором, сделанным из переплетенных жердей. Вдоль него шла узкая тропинка, по которой мы устремились вдале.

Слева от нас, за забором, была точно такой же участок, где уже вовсю работали дети и пара девушек. Пространство справа от нас занимали грядки с разнообразным зеленым добром, принадлежащим “нашей” семье. Выглядели посадки не хуже, чем у соседей. А, значит, хозяйство наше не самое бедное.

– Сегодня ветерок есть, мошка не так сильно надоедать будет, – подала голос Марта, бредущая впереди.

Наконец, мы дошли почти до конца огорода. Двор с его постройками казался отсюда игрушечным. Оставив наши ту-

ески в тени изгороди, мы пошли осмотреть объем работ.

– Управиться бы за день, – застонала Марта.

Нам предстояла прополка и рыхление спекшейся от жары земли. Я не делала такого со времен студотрядов. Но, к удивлению, руки ловко перехватили мотыгу, а мои движения были четкими и выверенными – тело помнило. А вот разум сопротивлялся такому неэффективному времяпрепровождению.

– Вот выйдешь замуж за Кайла, так наплачешься еще, – начала Марта, а я вся превратилась в слух, – даром что его семья зажиточная, огород-то в три раза больше нашего. А работать некому. Девок отец до последнего же замуж не выдавал, пока уже неприлично не стало. Пришлось новую рабочую силу искать. Кто знает, отчего первая жена Кайла померла.

– Да мало ли от чего, – поддержала беседу я.

– Ей до родов еще три месяца оставалось, а как раз время уборки было. Девки видели, что Кайл ее заставлял мешки таскать. Как можно, тяжелую-то! Он, конечно, потом отпирался. Но ведь не слезинки на похоронах не проронил. А отец евоный злился как! Еще бы, девка крепкая была!

– А я вот не очень крепкая-то, – заметила я, глядя на свои худые ноги.

– Ну, другие родители в селе и не отдадут за Кайла своих девок после того случая. А мать моя за хороший выкуп сговорится, не пожалеет.

– Не хочется мне замуж-то, – задумчиво проговорила я, продолжая орудовать мотыгой, взбивая вверх комья земли.

– Да вариантов-то нет сбежать из под венца, вот разве что в школу добровольно записаться, – ответила Марта.

– Школе? – спросила я, а сердце подпрыгнуло от радостного предчувствия.

– Так ведь идет запись в школу, грамотам всяким учиться и потом работать в господских домах в услужении, – недовольно поморщилась сестрица, – я б лучше замуж, чем туда.

– А мне что-то не хочется замуж за Кайла и помереть потом во время уборки урожая, – ответила я.

– Тогда, может, и правда добровольно записаться, – задумалась Марта, – там тоже можно откуп получить, хоть и меньший. Может, мать и согласиться.

– И как мне в школу попасть, если мы весь день тут?

– Завтра попробуй огородами убежать до деда Вени, он покажет. Выйдем пораньше, чтобы норму дневную сделать, а как пекло настанет, я на реку с ребятами, а ты по дороге к нему загляни. Вроде в летах, как тебя, не берут, говорят, необучаемые мы уже. Но ты попробуй. На девок в этом году спрос, а никто своих не отдает.

Солнце было уже почти в зените и палило нещадно. Руки налились тяжестью, хотелось отдыха. Но как только мы замедляли ход, на нас тут же садилась мошкара, кружившая живым облаком.

Неужели Марта и правда говорила про местную школу и

то, что она дает возможность вырваться из этой деревни? Я готова была бы бежать к деду Вене прямо сейчас, но помнила, что выгляжу очень непрезентабельно. Лучше отложить до завтра и прийти хотя бы с чистой головой, а если повезет, то и не в платье, в котором я пролежала в беспомощности несколько дней.

За весь день мы присели лишь однажды, чтобы перекусить, но быстро встали, гонимые полчищами мошкеры. Вода в туюсах давно закончилась. Ломота в спине и тяжесть в мышцах притупляла чувство голода.

Наконец, когда мы добрались до очередного края гряды, Марта с облегчением выдохнула:

– На сегодня все! Надеюсь, матушка довольна будет.

И мы с Мартой устало брели к дому.

Хорошо, что мне попало молодое выносливое тело. Однако, и для него такой труд был очень тяжел. Сколько лет удастся сохранить здоровье, если вести подобный образ жизни? Подозреваю, что не все женщины доживают до тридцати. Скорее всего, многие умирают родами или осложнениями после них. Как предыдущая жена неизвестного мне Кайла. Возможно, та же участь постигла и мать девочки, в чье тело я попала. Скорее всего Ирга – вторая супруга отца.

Если я хочу выжить, то придется сделать все, чтобы не стать в ближайшее время счастливой женой и матерью. Нужно попытаться устроиться в этом мире по-другому.

Солнце клонилось к закату. Наконец, мы дошли до дома и,

прислонив наши мотыги к покосившейся стене сарая, устало, но с наслаждением, умылись из корыта, смывая пот и пыль, налипшие за день.

– Явились? Смотрю, совсем вы не торопились, – угодить Ирге было сложно, – корова недоена, а вы еле плететесь! Может, вдвоем быстрее управитесь? Марта, иди, перенимай опыт у Тоньки! Как закончите – марш в мыльню!

Перенимать опыт? Значит, в этом мире я должна уметь доить корову, чего я не делала в прошлой жизни никогда. Ещё бы! Интеллигенция! А говорила мне бабушка в детстве, что доить корову – навык, который всегда пригодится. Но бывала я у папиной мамы нечасто, так что до практики мы и не дошли толком.

И ещё одна мысль терзала меня, пока мы шли к сараю, откуда доносились характерные звуки: если я должна передавать опыт, значит, в скором времени эта обязанность перейдет на Марту, а я... я, видимо, буду занята чем-то другим. И явно не в этом доме.

Надо срочно узнать про эту школу и уговорить деда Веню взять меня в ученицы.

Коровник был темным и теплым, со специфическим запахом. А вот и корова. Рога, четыре ноги и огромное налитое вымя. Животное смотрело на меня доверчиво и спокойно. Скорее всего, они с девочкой часто общались, и корова меня не боялась. Я непроизвольно подняла руку и погладила теплую шею.

– Вот, а меня к себе не подпускает, негодница, – подала из-за спины голос Марта, – измучилась я ее доить, пока ты болела.

– Ну давай я ее буду успокаивать, а ты снова попробуешь подоить, – предложила я единственный вариант, при котором мне самой бы не пришлось демонстрировать свое полнейшее неумение подойти к корове.

– А давай, – согласилась Марта, ловко подхватила низкий табурет и подобие ведра и обошла корову с другой стороны.

Я продолжала гладить животное, чтобы Марта могла побыстрее закончить дойку.

Довольные собой, мы отнесли молоко в дом.

– Возьмите по чистому платью и отправляйтесь в мыльню, – вместо благодарности скомандовала Ирга.

Платья нашлись тут же на лавке. От тех, что были на нас, они отличались разве что отсутствием грязных пятен и запаха пота. Серое грубое нечто на широких лямках длиной чуть ниже колена.

– Свои платья постирайте в остатках щелока. Да не лейте воды зазря, – напутствовала мачеха.

От мыльни я ожидала хотя бы какого-то ощущения гигиены и чистоты, но зря. Это оказалось жалкое подобие бани. Здесь было влажно и душно, но не было привычного жара. В мыльню попадаешь сразу, нет никакого привычного мне предбанника. Деревянные полы из грубо сбитых досок. В углу печь и таз с водой, куда надо было наливать ковшом воду

из рядом стоящей бочки. На лавочке стоял глиняный горшок с каким-то мыльным раствором.

Марта быстро ополоснулась и принялась намыливаться. Я последовала ее примеру. Кожу головы щипало, и я постаралась побыстрее смыть мыло. Видимо там была не до конца зажившая рана.

Дверь скрипнула и внутрь просунулась голова бабки.

– Тонька, волосья-то гребнем надо разобрать! Погодь, не выходи пока, сейчас помогу. Марта, заканчивай плескаться, тебя мать ждёт.

Марта швырнула грязное платье в таз в дальнем углу.

– Тонь, ополсни вместе со своим, а?

Я лишь кивнула в ответ, закинула в тот же таз свое платье и платок, а затем залила все водой с добавлением мыльного раствора. Марта надела чистое платье на мокрое тело, не озаботившись тем, чтобы вытереться, и убежала. Пока я ждала возвращения старушки, успела простирнуть нашу одежду, которую проще было сжечь, чем придать ей приличный вид.

Дверь снова скрипнула, и в мыльню заглянула пожилая женщина. Надо бы узнать, как зовут бабулю.

– Тонька, поди сюда, садись на лавку, – сказала она, указывая мне на низкую лавочку.

Я покорно опустилась. Сиденье оказалось таким низким, что мои острые коленки упирались в подбородок.

Бабуля ловко намыливала мои волосы и разбирала их редким гребнем. Кожу снова щипало и я непроизвольно вздра-

гивала.

– Учись терпеть, деточка, – сказала старушка, – замужем всяко придется. Хорошая жена покорна, тиха и терпелива.

– И скоро ль замуж?

– Да вот как окрепнешь, так и будет стговор. Уж больно Кайл до осени хочет успеть. Оно и понятно, урожай богатый будет, сами не управятся. Ох, бедна девка...

– Не хочу я за Кайла, он же меня, как корову, покупает.

– Ох, нет, девочка. О корове хоть заботятся. А жена существо бесправное. Хорошо б тебе понести не сразу, а вот осенью, на уборку. Глядишь, родить успеешь до посевной.

– А как-бы от свадьбы отказаться? Уж больно помирать не хочется мне.

– Да как же отказаться-то? Всем девкам замуж должно, у нас в деревне даже кривых берут в жены. Да и Кайл откуп большой сулит. Больше вон только в сколе могут посулить.

– А может мне в сколу, а? – ухватилась я за зацепку.

– Да ты чего? Сдурела? Они ж девок грамоте учат, а потом в господские дома в услужение продают, как скот. А там хозяин попользует, да и выставит тяжелую вон. Отец с брюхом на порог не пустит.

– А замужем за Кайлом я не как скот буду? Кто знает, доживу ли до следующей осени.

От этих слов старушка аж замерла и перестала раздирать спутанные волосы. Видимо, о такой альтернативе она не думала.

– Тонька, ты серьезно что ль про сколу-то? Дома-то привычней. Да, может, Кайл умнее теперь будет?

– Не думаю я так. Да и кто меня защитит? Разве что ты? Кому я нужна-то ещё?

– Ох, девочка моя! Воробушек ещё совсем желторотый! А ведь и правда, в городе-то может повезет, за ремесленника какого замуж выйдешь.

– Как бы мне в сколу попасть?

– Завтра все обустроим, сходим к Венечке, он мне должен был. Хоть подскажет может что.

От радости я кинулась обнимать бабулю. Она аж гребень уронила.

– Фу, шепутная! – бабуля махнула на меня рукой и засмеялась. – Смой пену, да выходи. Платья не забудь развесть, – указала она на грубую верёвку, натянутую вдоль стены и вышла из мыльни.

Как я уснула в тот вечер – я не запомнила. Но утром обнаружила себя все в той же постели, укрытой ветхой тряпицей. Молодой организм легко переносил тяготы жизни простой крестьянской девочки, но вот мой разум бунтовал против всего, что меня окружало. Нищенское существование, бесправное положение и очень мрачные перспективы. И единственный, кто хорошо относился к бедняжке, в чье тело я попала, – пожилая женщина.

Я резко встала с постели, чем разбудила Марту. Сестрица удивленно посмотрела на меня, с трудом разлепив веки.

– Куда в такую рань подскочила? – лениво сказала она, зевая во весь рот.

– Работы много, некогда лежать, – ответила я.

– Тонька, займись едой, – буркнула Ирга, заглянувшая в комнату, – а ты, Марта, иди тоже да посмотри, как надо.

Быстро умывшись, я пришла в уголок, где располагалась грубо сделанная кухня. Понятно, почему здесь часто подгорала пища – очаг представлял собой неровную довольно тонкую каменную плиту, под которой разводился открытый огонь. Равномерно прогреть здесь котелок не представлялось возможным.

Я оглядела скудный набор посуды: пара металлических котелков, толстостенные горшки и несколько сковород и жаровень. Затем перебрала продукты, предложенные к завтраку: 4 яйца, крынка молока, крупа, мед. Поискав по полкам я нашла муку. Прикинула, что можно приготовить на завтрак, учитывая, что яиц на всех не хватит, а кашу я и сама могу легко испортить.

Решение пришло довольно быстро – я вспомнила про блинчики. Почему-то я даже не подумала о том, что такого блюда в этом мире просто может не существовать. Я поставила на огонь котелок с водой, чтобы получить кипяток – лучше всего в прежней жизни у меня получались заварные блинчики. Тонкие, с ажурными дырочками. Для них не нужна была ни сода, ни дрожжи. Пока грелась вода, я замесила густое тесто. Подошедшая Марта смотрела на меня с любо-

пытством.

Вода закипела, я щедро влила крутой кипяток в тесто и быстро размешала. Теперь нужно масло. Об этом я не подумала.

– Мне нужно масло или жир, – задумчиво сказала я, понимая, что моя затея может оказаться не такой удачной, как я рассчитывала.

К моему удивлению, Марта отдернула занавеску и достала из углубления в стене сверток с салом. Не холодильник, конечно. Надеюсь, сало не испорченное. Отрезала тонкий ломтик и попробовала на язык – соленое, но нежное. Хорошо, что я не добавила соли в тесто.

Выбрав среднюю сковороду, я поставил ее на огонь и кинула несколько кусочков сала. Подождав, пока оно растопится, я слила часть жира в тесто, а остальное оставила для смазывания сковороды. Пока я искала, чем бы переверачивать блины, снова поймала удивленный взгляд Марты. Значит, такое блюдо здесь точно не знают.

Сковорода достаточно разогрелась, я плеснула тесто на раскаленную поверхность. К сожалению, я не рассчитала размер черпака и сковороды. Да и ворочать тяжелую чугунную посуду было не так удобно, как тонкую блинницу из прошлой жизни. Первый блин, ожидаемо, получился комом. Я поймала насмешливый взгляд сводной сестрицы. Что ж, редкая хозяйка может пожарить блины не испортив самый первый.

Откинув первый блинчик на стоящую рядом тарелку, я предприняла вторую попытку. В этот раз блин получился почти ровным, с красивым ноздреватым рисунком. Следом еще один, и еще. Марта замороженно наблюдала за моими движениями. А на тарелке росла горка ароматных золотистых блинчиков.

– Что смотришь? Ставь на стол мед и сало. И молоко подай, – скомандовала я.

Сестрица послушно накрыла на стол.

– Чем тут так вкусно пахнет? – В комнату вошел глава семейства, а за ним с улицы ввалились снова что-то не поделившие мальчишки.

На запах стянулось все семейство. И если мужская его часть алчно поглядывала на горку блинов, возвышающихся на столе, то женская смотрела на меня с подозрением. Я поняла, что только что изобрела новое блюдо. И это может сулить мне определенные проблемы.

– Что это? – Спросила Ирга, подходя к столу и шумно втянула носом воздух.

Я молчала, понимая, что надо срочно что-то ответить, чтобы не вызвать еще больше подозрений. Но, как назло, в голову ничего не приходило.

Мужчины уже расселись по своим местам.

– Что вы тут приготовили? – Ирга переводила подозрительный взгляд с меня на Марту и обратно.

– Так это... лепешки такие, – ответила, запинаясь, я и бес-

помощно посмотрела на свою единственную покровительницу – бабулю.

– Точно, лепешки! – Словно что-то вспомнила старушка. Она подошла поближе, подцепила верхний блинчик и отправила его в рот.

– Ишь ты, как мамка ейная приготовила! – Заявила она. – А та ведь не делилась рецептами.

Все с любопытством посмотрели сначала на старушку, потом на меня. Кажется, отец не помнил, чтобы его первая жена готовила такого. Но я заметила, что он редко спорил со своими женщинами.

– Садитесь, чего стоите-то! – Снова приняла на себя роль главнокомандующего Ирга.

И мы поспешили рассестись по своим местам и принялись за еду. Больше всего завтрак понравился мальчишкам, которые с удовольствием скатывали из блинчиков трубочки и макали их в теплый жидкий мед. Бабуля безмятежно жевала мое кулинарное изобретение, словно это было самое обычное блюдо. Отцу пришлось по душе сало, завернутое в блины. Лишь Марта и Ирга ели незнакомое блюдо с подозрением. Я решила не обращать на них внимание и наконец-то с удовольствием поела в этом незнакомом мне мире.

После вкусного завтрака, который чуть не стал причиной моего провала, мы с Мартой снова пошли на прополку. По дороге нас перехватила бабуля.

– В полдень возвращайтесь-ка домой, девоньки! Нечего

на солнцепеке сидеть. Дома и прохладней, и работа для обеих найдется, – сказала старушка и свернула в птичник.

Мысль о посещении местной школы подгоняла меня, поэтому я старалась работать быстрее. Сестрица едва поспевала за мной.

– Куда так торопишься, Тонька? – Наконец остановила она меня. – Закончим эту работу, нам найдут новую. Только зазря вымотаемся!

Слова девочки подействовали на меня отрезвляюще. Действительно, сколько бы мы ни сделали, рассчитывать на похвалу не стоило. И отдыхать лишнюю минуту нам никто не позволит. Закончим прополку – будет уборка в птичнике, заготовка дров или сбор урожая. И так всю жизнь. И я буду грызть землю, но вырвусь из этой жизни!

– К деду Вене хочу сходить сегодня, – ответила я сестрице, после небольшой паузы.

– Не передумала? – спросила она.

– Нет. Я на что угодно согласна, лишь бы не замуж!

– Смелая ты! Я бы так не смогла, – в голосе Марты я услышала восхищение. Наверное, девочки раньше дружили, хоть и не были родными сестрами. Мне стало жаль оставлять ее, но она сама добровольно никогда бы в школу не пошла, а предпочла бы привычную, пусть и тяжелую жизнь. Тратить время на уговоры я не хотела – у самой шансов вырваться было ничтожно мало.

– Как думаешь, сколько у меня есть времени?

– Не знаю. Ты, верно, уж заметила, что матушка заставляет меня смотреть за всем, что ты делаешь и запоминать. А раньше гнала прочь, чтобы под ногами не мельтешила. Значит недолго. Но уговора с Кайлом точно пока еще не было. Через три дня праздник Солнцестояния. Там целый день работать никто не будет, гуляния пройдут. Думаю, что там и сговорятся.

– Солнцестояние, – повторила я, – наверное, ты права.

В моем мире это был день с самой короткой ночью в году. Разгар лета, когда можно было подвести итоги весенней посевной и подготовиться к сбору первого урожая. Время цветения и заготовки целебных трав.

Многие пары сговаривались о свадьбе в эту волшебную ночь, а играли ее после уборки урожая, когда еды вдоволь и есть время отдохнуть. Но меня ждала иная судьба. Если я не сбегу из дома в течение трех дней, то меня как скот продадут в семью, где я буду всего лишь рабочей единицей.

Дальше я не слишком активничала, и Марта с облегчением выдохнула. Да и здраво поразмыслив, я решила, что не стоит идти в школу вспотевшей и грязной.

Глава 3

Солнце стояло в зените и нещадно палило, когда Марта сказала:

– Пойдем домой, пока удар не получили. Эти дни будет особенно жарко.

Мы едва успели прийти к дому и умыться, как появилась бабуля.

– Вернулись, девоньки! Ты, Марта, поди под навесом сено поворочай, чтоб сохло равномерно. А мы с Тонькой пока сходим к старосте: надобно документы выправить.

Судя по всему, Марта была довольна назначением и радостно убежала на зады, где стоял большой навес, под которым на ветру сохло пахучее сено.

Впервые с того момента, как я очнулась в этом теле, я покинула территорию нашей усадьбы. Мне было очень интересно и я никак не могла понять, куда я попала: просто в прошлое или в совершенно иной мир. Слишком мало было информации. Поэтому я шла, стараясь подмечать любую деталь.

Постройки были сплошь деревянные, сколоченные из грубых неровных бревен. Окна – большая редкость. Их либо не было вовсе, либо они закрывались глухими ставнями. В домах, которые выглядели побогаче, имелись мутные стекла, сами окна были обрамлены резными наличниками, а ставни

выкрашены в синий или белый цвет. Понятно, что позволить себе остекление могли не все жители деревни. А те, кто все-таки смог это сделать, ужасно гордились и всячески подчеркивали этот факт.

Расположение зданий и планировка улиц напоминала мне Восточную Европу века тринадцатого. Но что-то было не так. Сначала мы шли по проулку с грязной неровной дорогой, потом вышли на улицу пошире и домами побогаче. Наконец, оказались на центральной улице села, где спокойно могли разъехаться четыре телеги, а пешеходные дорожки вдоль домов были покрыты дощатыми настилами, чтобы путники не испачкали одежду в непогоду.

Мы шли не менее получаса, постепенно приближаясь от бедной окраины к яркому и богатому центру. И, наконец, я поняла, что меня смущало. За все время я не увидела ни одного купола церкви или какого-то другого религиозного сооружения. А в таком селе в Европе точно должна была быть церковь, а может и не одна!

Да еще и праздник Солнцестояния. Явно что-то языческое. Спокойнее, Антонина!

Попади я с моими знаниями истории просто в прошлое, можно было бы неплохо устроиться. Ключевые исторические события известны. А вот с другим миром явно сложнее.

Из задумчивости вывела бабуля, которая уже несколько раз окликнула меня и, видя, что я не отвечаю, даже толкнула в бок.

– Тонька, пришли уже! Хватит по сторонам глазеть. Сейчас посидишь тихонько на лавочке в уголке, я с Веней поговорю. Да лицо поумнее сделай, чтоб увидел, что из тебя толк выйдет.

С этими словами старушка толкнула высокую калитку перед широким двухэтажным зданием. Дома в два этажа были здесь большой редкостью, а чтоб такие большие – тем более. Сразу понятно было, что это не жилое здание, а казенное. Все сделано добротнo, но без излишних украшений. Здание школы смотрело на улицу двумя рядами окон по четыре в ряд. Уже одно только это должно было говорить о том, что образование в будущем несет достаток. Однако почему-то крестьянское население не спешило отдавать детей в школы.

В здании школы после полуденного зноя было прохладно. Пахло деревом и травами. Мы оказались в просторном холле с высоким потолком. Стены были обиты досками и выкрашены в белый цвет, отчего помещение казалось просторнее и светлее.

На стенах в рамках висели портреты пожилых мужчин и женщин. “Наверное, ученые”, – подумала я. Хорошо, что женщины в этом мире тоже занимаются науками. Больше всего меня заинтересовала доска с прикрепленными к ней листками желтоватой бумаги. Объявления или расписание занятий? Я подошла ближе и с интересом стала разглядывать их.

Листы по размеру были чуть больше, чем привычные мне

тетрадные, только бумага плотнее и более грубая. А вот написанный текст мне не говорил ничего. Язык был совершенно незнаком, начертание больше всего походило на арабскую письменность. Здесь явно использовали привычный мне стиль письма слева направо, а слова складывались из букв, а не записывались целиком иероглифами.

К нам вышел высокий седой мужчина. Судя по количеству морщин, был ровесником моей родственницы. Однако казался моложе, чем бабуля, из-за особенной, присущей только военным, стати. Мне даже стало неловко за ее хоть и опрятный, но не слишком ухоженный вид.

– Вееенечка, – тягуче пропела бабуля, протягивая морщинистые руки к мужчине.

– Клариса, душа моя! – мужчина радостно заключил бабулю в объятия.

После теплых приветствий мы были приглашены в учебную комнату, которая одновременно служила кабинетом для учителя.

Здесь было целых два окна и шесть длинных парт с лавками. Парты стояли в три ряда и за одной легко могло поместиться пятеро детей, не меньше!

На противоположной от окон стороне расположились открытые стеллажи с книгами, баночками для чернил и стопками бумаги.

– Деточка, можешь посмотреть книги, пока мы с Кларисой побеседуем, – ласково сказал мне мужчина, увлекая бабулю

в другой конец учебной комнаты.

Я осталась наедине с учебниками. Какая удача! Но как получить информацию об устройстве мира, не умея читать? Я сгрэбла с полки самые потрепанные книги. Наверняка, они используются чаще всего. Я устроилась на последней парте и с огромным интересом погрузилась в изучение, стараясь найти знакомые знаки и символы.

Первый же открытый учебник оказался аналогом нашего букваря. Значок-буква, несколько вариантов ее написания и схематические изображения предметов, названия которых начинались с этой буквы.

Я только сейчас поняла, что совершенно спокойно говорю на местном языке, даже не задумываясь об этом. В голове я произносила название предмета на русском, а если пыталась сказать его вслух, то получался совсем другой набор звуков. Что ж, знание языка оказалось приятным бонусом при перемещении в тело несчастной девочки.

Следующей книгой было пособие по чем-то вроде арифметики. Я пролистала учебник. Изображения цифр были не знакомы. Однако, на первых десяти страницах каждая цифра сопровождалась соответствующим числом предметов. Таким образом имеем десятичную систему счисления. Значит, таблица умножения здесь все так же работает. Осталось выучить названия и начертания цифр.

Но больше всего меня заинтересовал учебник по географии. Карты! Подробные и не очень, но они давали представ-

ление о мире, куда я попала.

Я жадно листала страницы, стараясь успокоить бешено стучащее сердце. Что ж, однозначно я была не на Земле. Ни в одном из изображений стран и континентов я не увидела знакомых силуэтов.

Радовало то, что у жителей этого мира не вызывало сомнения шарообразное строение планеты, было понятие о широте и долготе. На полях карт были изображены парусники, преодолевающие моря и океаны. Отважные путешественники держали в руках подзорные трубы, компасы и астролябии для определения координат.

На планете было три крупных континента и множество островов, раскиданных по водному пространству. Белых пятен на карте не было. А это значило, что люди этого мира довольно хорошо знают его.

Я листала учебник дальше. Страницы, посвященные животному миру, захватили мое внимание. Я с любопытством рассматривала изображения как вполне привычных мне животных, так и совсем диковинных. Отдельная страница была посвящена летающим ящерам. Динозавры? Драконы? Ответа я пока не знала, но собиралась получить его в самое ближайшее время.

– Заинтересовалась? – услышала я над ухом ласковый голос деда Вени и посмотрела на него снизу вверх. Он с улыбкой смотрел на мой искренний восторг, который вызвали учебники.

– Любознательность – основополагающее условие успешного обучения, – продолжил он, – только жажда знаний и упорство в изучении предмета приведут ученика к успеху в постижении наук. Скажи-ка, Тоня, а ты сама-то хочешь учиться в школе?

Я так активно закивала головой, что она закружилась от усердия. Мужчина рассмеялся.

– Что ж, обычно я набираю учеников помладше. Их умы податливы и пластичны, – обратился он к бабуле, а я замерла в ожидании, готовая умолять взять меня в ученицы, – но сейчас мне очень нужны девицы, годные к управлению домохозяйством. Обычно такое обучение занимает несколько лет, но в глазах этой девочки я вижу такой интерес к знаниям, что мы легко сможем освоить основную программу в сжатые сроки.

Я сидела, боясь выдохнуть, чтобы не спугнуть удачу. Меня возьмут в школу! О том, как эту новость могут воспринять мои родственники, я даже не задумалась.

Назад я не шла, а летела! Бабуля только посмеивалась, глядя на мой восторг. А я и сама не понимала, почему не могу выражать свою радость спокойнее. Наверное, дело в молодом организме.

После посещения школы и знакомства с ее управляющим и единственным учителем Веней мы отправились к старосте. Документов у крестьян на руках не было. И не потому, что они были ограничены в передвижении. Отнюдь! Так

всем было удобнее: малограмотные крестьяне в повседневной жизни не нуждались в метриках и им не приходилось беспокоиться о хранении документов.

Дом старосты был единственным каменным во всей деревне. В случае пожара, которые наверняка случались частенько, все документы должны были уцелеть.

Для жилой и рабочей половины были отдельные входы с разных сторон. Не дав толком рассмотреть необычное строение, бабуля завела меня по крутым ступеням в одну из дверей. Внутри было темно и прохладно и немного влажно, как в погребке.

– Тис Гард, доброго дня! – Приветствовала бабуля пожилого немного сутулого мужчину, сосредоточенно переписывавшего текст из огромной книги на листок с гербовой печатью.

– Тисса Клариса, какими судьбами? – ответил ей мужчина, отрываясь от записей и щуря подслеповатые глаза.

– Надобно документы для внучки справить, – сказала бабуля и ткнула в меня пальцем, – девке скоро съезжать от нас.

– А, понимаю, замуж выдаете, – староста усмехнулся, – хорошее дело. Сейчас все сделаем.

Старушка не стала уточнять, что документы нам нужны для устройства в школу. Сейчас нам нужно было получить метрику на руки, чтобы я могла переехать жить в другое место, отдельно от отца и мачехи.

Мужчина встал и подошел к стеллажам, высившимся по-

зади него. Он долго водил крючковатым пальцем, испачканным в чернилах по корешкам учетных книг, пока не нашел ту, что искал.

– Тоника Брюлле, пятнадцать лет, – произнес он и шлепнул на стол увесистую книгу в кожаном переплете, – отец крестьянин Крэг Брюлле, мать – Аманда Кирг, дочь безземельного графа Пирстона Кирга.

Я мысленно присвистнула. Девочка-то непростая была. Что там мне Марта говорила про обряд шамана и силу крови?

Тем временем староста стал выписывать данные о родителях и дате рождения из метрической книги на отдельный лист с гербовой печатью.

– Какую цель получения документа указать? Замуж?

– Так это, на учебу она поступает. В сколу нашенскую, – ответила бабуля, – вот и документы нужны. Только...

– Что “только”? – мужчина оторвался от документа и с прищуром посмотрел на бабулю.

– Можно ничего не писать в документе? – бабуля посмотрела на старосту таким просящим взглядом, что мне стало смешно, а ему неловко. – Вдруг, все-таки замуж.

– Можно и не писать, – мужчина пожал плечами, – так даже быстрее будет. Все равно же и свадьба, и учеба в поселке будет. А, значит, все одно ко мне придете.

Бабуля закивала головой так быстро, что я забеспокоилась о ее здоровье. Староста закончил заполнение метрики,

поставил размашистую подпись, дал чернилам подсохнуть и торжественно вручил документ моей сопровождающей, проигнорировав мою робко протянутую руку.

– Пока еще, юная тисса, ты несовершеннолетняя, – пояснил он, – и получать документы за тебя может либо опекун, либо его полномочный представитель – жена или мать. Ну а потом уж учитель или муж, что бы там вы ни замыслили.

Получив желанный документ мы с бабулей вышли на улицу. Зной понемногу отступал, обещая вечернюю прохладу.

– Метрика у нас есть, решение Вени о зачислении тебя в ссссколу тоже, – как ни старалась бабуля, а выговорить “школу” через букву “ш” у нее не получалось. Получался какой-то протяжный свистящий звук.

– Когда же я приступаю к учебе? – спросила я.

– Давай-ка не будем затягивать. На Солнцестояние ты должна быть уже приписана к школе, чтобы Кайл не смог заявить на тебя права. Вещей у тебя немного, можно и не собираться, а прямо завтра и пойти с утречка. Ирга, конечно, побушует по первой. Но если Веня успеет запись сделать, а я ее скреплю, то дать делу обратный ход никто не сможет.

Мне показалось, что наш маленький заговор омолодил бабулю, она озорно посматривала по сторонам и улыбалась каким-то своим мыслям. Наверняка, представляя реакцию Ирги на наш неожиданный ход. Как оказалось, мачеха не сидела сложа руки и устроила нам еще более неожиданный сюрприз.

Глава 4

Мы еще не зашли в дом, как заподозрили неладное. Младшие братья Парк и Тир вместо того, чтобы, по-обыкновению, драться и валяться в пыли, чинно ходили вокруг дома. Еще более необычным был их внешний вид: вместо коротких неряшливых штанишек – брюки до середины голени и белые рубашки с вышивкой по вороту. Наряд мальчиков и то, как они держались, говорил о том, что в доме происходит что-то необычное.

– Я зайду внутрь, а ты обойди-ка дом и послухай с улицы, где печка, – сказала бабуля, – не к добру это.

Я обежала дом и приникла к небольшой щели в стене, стараясь расслышать и рассмотреть все происходящее в доме. Хорошо, что никто сейчас не занимался готовкой, а не то жар от печи не дал бы припасть к заветной щели.

После яркого дневного света я не сразу смогла рассмотреть, что происходит. Сначала услышала голоса, а потом и глаза приноровились.

В доме находились двое: Ирга и незнакомый мне мужчина. Почти сразу к ним присоединилась бабуля.

– Доброго дня, тис Кайл, – приветствовала бабуля, а я охнула, сообразив, что вижу жениха. – Чем обязаны?

Мужчина хотел было что-то ответить даже издал какие-то звуки, но мачеха его перебила.

– Кайл пришел уговариваться о свадьбе. Так неожиданно! – радостно воскликнула Ирга, а я поняла, что впервые

вижу, как она улыбается. Женщина была одета так же нарядно, как и ее младшие дети, которых мы встретили у входа: чистый синий сарафан из-под которого виднелась белая праздничная рубаха, а на голове повязан такой же синий платок.

– До Солнцестояния-то еще два дня! Стоило ли рабочий люд отвлекать от дел? Пришел бы в праздник к отцу родному, да и уговорился бы честь по чести, – резонно заметила моя защитница. При этих словах Ирга дернулась, что не утаилось ни от моего внимания, ни от бабулиного.

Я посмотрела на жениха. Вот уж точно, лучше утопиться, чем замуж! Невысокий, коренастый, с наметившимся животиком. Точный возраст мужчины угадать было сложно из-за неаккуратной бороды и кустистых бровей, нависающих над глубоко посаженными глазами. Кайл двигался как-то суетливо, почти дерганно, что выдавало в нем очень нервного человека. Его руки в беспокойстве постоянно что-то теребили. Вот уж точно, такому нельзя давать власть! Особенно над женщиной.

– Зачем тянуть? Кайл как раз пришел поговорить о том, чтобы побыстрее устроить судьбу девочки, – в голосе Ирги растекалась патока, – вот на Солнцестояние свадьбу и сыграем.

Мужчина активно закивал, выражая свое полное согласие. А я поняла, что он еще ни слова не произнес. Умеет ли он вообще разговаривать?

– А где Крэг? – огляделась бабуля в поисках сына и главы семейства.

– Не вернулся еще из леса, – неуверенно ответила мачеха, и по ее голосу стало понятно, что действует она на свой страх и риск, как несколькими часами ранее это сделали мы с бабулей, отправившись в школу на собеседование.

– Нехорошо это – без главы семейства девку-то сватать. Тем более первую из семьи. Люди скажут, что продали, как корову, – пока бабуля говорила, Ирга старалась вежливо улыбаться, однако улыбка ее все больше становилась похожа на оскал.

– Если уж так не терпится на Солнцестояние свадебку-то сыграть, то пусть завтра к ужину и сватов засылает, да чтоб договорились с отцом семейства, а не с бабами! – заявила бойкая старушка тоном, не терпящим возражений.

Кайл вопросительно посмотрел на Иргу, а та только плечами пожала. Причин беспокоиться о свадьбе она не видела, а потому согласилась исполнить прихоть старой бабки.

– Хорошо, но завтра, после окончания работ приходите к нам, тис Кайл с дружками. Днем невеста угощений наготовит и стол накроет, а уж вечером, по обычаю, девку засватаем.

Бабуля, казалось, была удовлетворена полученным ответом. Жениха это тоже устраивало, а потому он криво поклонился женщинам и как-то боком вывалился из дома, поспешив восвояси.

Единственным человеком, кого совершенно не устраива-

ли достигнутые договоренности, была я. Отойдя от стены, я присела на вязанку хвороста. Мысли метались в голове, а я пыталась поймать хоть одну из них, и лучше бы – здравую. Которая поможет мне избежать ненавистной свадьбы и попасть в заветную школу.

Пока получалось, что бабуля и мачеха имеют равные права на обустройство моей жизни, но решающий голос – у отца.

Бабуля покинула дом сразу после ухода моего жениха, и я не успела перехватить ее, чтобы поговорить. Я все еще сидела на куче хвороста, уронив внезапно потяжелевшую голову на руки. В таком положении меня и обнаружила Марта спустя некоторое количество времени.

– Идем, ужин пора готовить, – сказала девочка, – давно я не видела мать такой счастливой. Она разрешила приготовить что-нибудь вкусное.

Я нехотя поплелась за сводной сестрой в дом, надеясь, что не встречу счастливую мачеху.

В прошлой жизни я часто отвлекалась от тяжелых мыслей за приготовлением чего-то необычного. Друзья и коллеги мужа без устали нахваливали мои кулинарные таланты. На всех встречах научного общества главным блюдом становилось то, что готовила жена профессора Иванова. Оно и понятно! Ни детей, ни научных проектов, обычная школьная учительница. Однако, умение накрыть праздничный стол, имея очень скудный набор продуктов, не раз меня выручало.

Вдобавок, я надеялась, что отец, как и все остальные муж-

чины, когда-либо пробовавшие мои кулинарные шедевры, согласится выслушать и исполнить мою просьбу.

Я не была настолько наивной, чтобы полагать, что отец не в курсе замысла Ирги. Однако, только его слово против ее могло остановить мое скоропостижное замужество. К тому же бабуля куда-то исчезла, а без нее у меня совсем не осталось союзников в этом доме. Приходилось полагаться на собственное чутье.

– Пойдем, приготовим что-нибудь необычное, – сказала я, и мы с Мартой пошли смотреть выделенный нам набор продуктов.

Огонь в очаге уже горел, от чего в доме сразу сделалось жарче, чем на улице. Мяса все так же не было. Зато был хороший кусок сала, клубни, очень похожие на молодой картофель. Разрезала один из них, понюхала, лизнула – точно картофель. От большого куска сала отрезала брусочек, а затем порубила его поперек, разделяя на небольшие квадратики.

– Порежь остальное так же, как я, – велела я Марте, а сама взялась за картофель.

Промыв и обсушив клубни, я порезала их на толстые кружочки. Кожуру решила не счищать – вкуснее будет. Взяла жаровню с высокими бортами и сложила кружочки картофеля, перемежая их квадратиками сала. Чтобы все равномерно прогрелось, накрыла жаровню сверху другой сковородой.

Затем присела у очага и раздвинула угли кочергой. Подготовив таким образом аналог духовки я установила жаров-

ню прямо на расчищенное место. Уже через пару минут сало растопилось и весело шкворчало. Спустя полчаса по дому разносился божественный аромат жаренной картошки с салом.

Тем временем я нашла кислую капусту, корнеплоды вроде белой морковки и редьки. Порубила овощи мелкой соломкой, смешала с капустой и залила растительным маслом. Если судить по запаху – оливковым. Хорошо бы потом узнать, как все эти овощи правильно называются.

Когда пришло время доставать жаровню, почти все семейство собралось за столом. Не хватало только бабули, что несколько беспокоило меня. Отец и братья шумно втягивали воздух, Ирга пыталась угадать, что же я приготовила на ужин, но не считала нужным спросить, и ходила, поджав губы. Марта, имевшая самое непосредственное отношение к приготовлению необычного ужина, была невероятно довольна собой и накрывала на стол с важным видом.

Когда пришло время, мы с Мартой в четыре руки достали жаровню с ароматным блюдом и водрузили ее в центр стола. Семейство принялось рассаживаться по своим местам.

– А где мать моя? – спросил глава семейства у Ирги, но та лишь равнодушно пожала плечами.

В этот момент дверь отворилась и вошла бабуля вместе с управляющим из школы. Вот уж кого точно не ожидали увидеть в тот вечер в нашем доме. Бабуля сделала мне страшные глаза, явно стараясь подать какой-то знак.

– О, дед Веня! – Обрадовался отец, а Ирга вся как-то подобралась. – Какими судьбами? Проходи к столу! Жена, неси пива!

Мачеха метнула недовольный взгляд на гостя, но, ничего не сказав, скрылась в закутке, служившем кладовкой, чтобы принести кувшин с кислым пивом.

Тем временем учитель не спешил садиться, хотя уже бросил заинтересованные взгляды в сторону стола.

– погоди, Крэг, – сказал он отцу, – давай сначала о делах поговорим. А потом можно и пива.

– Какую сделку?

– Видишь ли, пришло время определять отроков на учение. Из каждой семьи, где больше трех детей, надобно представить одного на три года для обучения в школе. Вот и указ имеется, – учитель достал грамоту, исписанную мелким убогим почерком, и помахал ею перед носом отца. Но все в этом доме были безграмотны, а потому не могли ознакомиться с текстом указа.

– Прямо из каждой семьи? – подала голос Ирга.

– Да, пока одного отрока на три года. В следующем году хотят сократить число безграмотных и звать уже каждого второго. Кроме тех семей, что уже отдали одного ребенка в полное распоряжение школе. Такие семьи получают пожизненную охранную грамоту.

– Что значит в полное распоряжение? – не унималась мачеха.

– К примеру, сейчас проходит набор девочек для обучения в прислужницы в господские дома. Такая девочка выкупается из семьи и больше туда не возвращается, а после уезжает на место службы или для дальнейшего обучения.

– Вот еще, девок вам подавай! – Отец стукнул кулаком по столу. – Нужен отрок – забирай Тира. Он мелок и криклив, через три года, может, и будет от него толк. А нет – и не жалко!

Раздался протяжный вой – это не выдержало материнское сердце. Ирга вцепилась в младшего сына, будто его забирали прямо сейчас. Мальчик, опешив от реакции матери, нахохлился, как маленький воробушек.

А я поняла, что шанс на то, чтобы вырваться из традиционного уклада, тает, как утренний туман над рекой.

Отец хмуро смотрел на гостя, но на выручку пришла бабуля:

– А вот если бы девочка из нашей семьи пошла бы в ученицы, то какая выгода кроме охранной грамоты для остальных детей? Какой выкуп даётся?

На словах о выкупе мачеха почти прекратила причитать, а взгляд отца стал более заинтересованным.

– Выкуп семье дается такой, что ни один жених за девку не выложит. Вот за сколько вы сговорили старшую девочку? – спросил учитель у Ирги.

– Семь золотых, – ответила та и покраснела.

– Даже коровы не купить, – заметила бабуля.

Отец молча перевел взгляд с жены на мать. Он хотел было что-то сказать, но гость перебил его:

– А вот школа бы ее за пятнадцать выкупила. Смогли бы и корову взять, и пару свиношек, и на приданое второй девочке отложили бы, чтоб она могла жениха по сердцу выбирать, а не по родительскому карману.

Я видела, что каждое слово учителя бьет в самую цель. Семья остро нуждалась в деньгах.

– Да зачем девке учиться, раз уже и жених сыскался? – спросил отец.

– Сватов не засылали еще, – заметила бабуля, – да и хорошо бы у самой Тоньки спросить, чего она хочет. Про живого человека говорим, а не про скотину!

Кажется, последние слова стали не меньшим аргументом, чем размер предложенного выкупа.

– Тонька! Поди сюда, садись, – глава семейства хлопнул ладонью по лавке рядом с собой. Я тихонько подошла, но не села, так и осталась стоять, чтобы в глаза ему смотреть, открыто, как равному.

Несмотря на принятое в этом мире отношение к детям как к имуществу, этот крепкий мужчина, простой крестьянин, старался честным трудом прокормить семью, любил своих домочадцев и заботился о них в меру своих возможностей.

– Ответь-ка, дочь, – излишне торжественно начал он, – и не скрывай своих мыслей от отца! Пойдешь ли ты замуж за Кайла или хочешь в учение поступить? Будет так, как ты

решишь, неволить не стану. Не думай, что мне золото важнее счастья единственной дочери!

Похоже, отец считал, что любая девочка считает великим счастьем выйти замуж за соседа. Но раз уж мне предоставили право выбора, то я решила им воспользоваться и сказала:

– Отец, благодарю за заботу! Это тяжёлый выбор, но я бы предпочла учение.

В комнате повисла тишина. Кажется, никто не дышал, ожидая ответа главы семейства.

– Тонька, ты уверена? – в голосе Крэга слышалось беспокойство. – Увезут же тебя далеко от родного дома, будешь жить на чужбине. Не хозяйкой при муже, а прислужницей в барском доме. Девкой бесправной!

С каждым словом голос отца становился громче и резче. Я увидела, что учитель хочет вмешаться и перебить, чтобы заявить о несправедливости таких суждений.

– Отец, я уверена, – сказала я смело, – не по сердцу мне Кайл. Я хочу посмотреть мир. Не представляю, что проживу в нашей деревне всю свою жизнь.

Я заметила, как Марта стоит в углу, прижав ладони к пыляющим щекам. Наверняка она не могла предположить, что у ее сестры есть такие дерзкие мысли.

– Кровь проснулась, – едва слышно сказала бабуля, но в тишине ее голос разнесся, как глухой раскат грома.

– А что за кровь у девочки? – живо поинтересовался учитель.

– Мать из благородных была, – пояснила бабуля, – да померла вторыми родами.

– Тогда ей самое место в школе. За благородную кровь ещё золотой сверху накинута. И охранную грамоту на всех детей нынешних и будущих дам, – учитель выразительно посмотрел на живот Ирги, а я только сейчас заметила, что он несколько больше положенного.

Отец обвел взглядом своих самых близких женщин: мать и жену. Те утвердительно кивнули. На этом семейный совет был завершён.

– Что ж, по рукам! – воскликнул отец. – Дед Веня, садись за стол, отметим это событие!

Гость сел на почетное место по правую руку от хозяина дома, а семейство, подгоняемое чувством голода, принялось оживлённо рассаживаться вокруг стола.

Мы с Мартой разложили еду по грубым тарелкам. В этот раз никто не разглядывал необычное блюдо. Тишину нарушал лишь стук ложек да довольные возгласы мальчишек.

Когда с ужином было покончено, учитель поблагодарил хозяйку за угощение и спросил:

– Когда вы ожидаете сватов?

– Завтра вечером, – ответила Ирга, косясь на мужа и все еще ожидая его гнева за самоуправство.

– Пожалуй, будет лучше, если мы подпишем все документы сегодня, и девочка уйдет со мной. Причитающееся золото и охранную грамоту на остальных детей вы получите в шко-

ле завтра утром.

Отец согласно кивнул, и учитель тут же вытащил документы, которые нужно было подписать. Учитывая, что грамоте никто обучен не был, пришлось читать вслух.

Стандартный канцелярский текст назначал школу, в лице ее управляющего, моим опекуном с правом определения дальнейшего места жительства и рода занятий.

Прощание было быстрым и скомканным. Кажется, лишь старушка будет скучать по бедной девочке. А вот мачеха, уже не стесняясь, вслух прикидывала, на что сможет потратить свалившееся на семью богатство.

На прощание бабуля дала мне в руки узелок со сменой белья, отдала метрику учителю и крепко обняла.

Я уходила в новую жизнь осознавая, что любые испытания предпочтительнее, чем спокойная жизнь бесправной крестьянки.

Глава 5

Был уже поздний вечер, когда мы с Веней подошли к школе. День выдался длинный и сложный, а потому под конец я еле передвигала ноги и мечтала только о том, как бы скорее оказаться в постели.

– Жилые комнаты имеют отдельный вход со стороны двора. Но можно пройти через парадную дверь и дальше мимо классов, – сказал учитель, когда мы заходили в школу так же, как делали это с бабулей несколькими часами ранее.

Внутри было довольно темно, и Веня зажег две свечи в

маленьких подсвечниках, похожих на чашечки. Одну свечу он дал мне, а вторую оставил себе.

– Сейчас определим тебе комнату, а завтра уже познакомишься с другими учениками, – говорил он, пока мы поднимались по лестнице на второй этаж.

Миновав светлые широкие коридоры, мы оказались в более тесном и узком проходе, куда выходил десяток дверей. Над каждой дверью было небольшое слуховое окно. То ли для вентиляции, то ли для того, чтобы легче было следить за поведением учеников не заходя в комнату.

– Обычно мы селим учеников по два-три человека в комнате. Но сейчас в школе нет девочек твоего возраста, поэтому поживешь пока одна. Надеюсь, не заскучаешь.

С этими словами Веня толкнул дальнюю от входа дверь, и мы очутились в небольшой комнате с двумя кроватями. Окон здесь не было, но это было единственное ее сходство с той, которую я делила со сводной сестрой в родительском доме.

– Умывальник и туалет на улице. Завтрак в шесть, часы висят в коридоре как раз напротив твоей двери. Одежду и остальные принадлежности утром выдаст тисса Лара. Занятий у тебя завтра нет, обустройся.

Управляющий школой ушел, а я присела на краешек кровати и осмотрелась на своем новом месте жительства при свете тусклой свечи. Между двумя кроватями располагался крепкий стол, стульев в комнате не было – они бы здесь про-

сто не поместились. Сидеть можно было только на постели.

Над столом – два ряда полок для книг или посуды. На стене над каждой кроватью – несколько крюков для одежды. А около самого входа у стены стоял сундук. В нем обнаружилось постельное белье и несколько отрезков ткани, которые, как я решила, использовались в качестве полотенец.

Я застелила постель и с наслаждением устроилась на новом месте. Кажется, с первым испытанием в жизни в новом мире я справилась. Сколько их еще будет впереди?

В первое же утро на новом месте я чуть было не проспала. Хорошо, что через слуховое окошко доносились голоса и детский смех. Я не сразу поняла, почему Парк и Тир так приветливо разговаривают вместо того, чтобы по привычке мутузить друг друга.

Только через минуту сообразила, что нахожусь совсем не дома, а в своей новой комнате в школьном общежитии. От этой мысли я моментально проснулась и, схватив отрезок ткани для вытирания, я выбежала из комнаты в поисках удобств.

В коридоре было светло, несмотря на то, что окно было одно. Сквозь мутноватое стекло пробивались солнечные лучи. Я усмехнулась: принцип благоустройства школ в этом мире не отличался от того, который я наблюдала, проработав на одном месте больше тридцати лет. Выбеленные просторные коридоры и окна с дорогим прозрачным, как слеза мла-

денца, стеклом обращены на фасад. Туда, где их увидит проверяющий. Часть здания, где находились жилые помещения, выглядела иначе: узкие темные коридоры с одним окном в торце и тесные комнаты учеников вообще без окон.

Среди учеников было человек десять мальчиков разного возраста, от семи до двенадцати лет. И всего пара девочек лет десяти. Я казалась самой себе ученицей выпускного класса, случайно очутившейся в начальной школе. Детишки с интересом поглядывали на меня, гадая, не являюсь ли я кем-то из работников школы, и на всякий случай, перестали бегать по коридору и громко смеяться.

Я быстро справилась с бытовыми нуждами и поспешила за детьми, которые ровно в шесть двинулись вниз по лестнице, откуда уже тянулся запах свежей выпечки.

Столовая, находившаяся на первом этаже, была просторной и светлой. Одно большое окно, длинный дубовый стол и две широких лавки по по обе стороны от него. На столе – два больших блюда с ароматными пирожками, творог, мед, простокваша и горячий травяной чай. Дети быстро заняли свои места и принялись за завтрак, а я замешкалась.

– Тоника, здравствуй, – ко мне подошла высокая худощавая женщина лет сорока, – меня зовут Лара, я помощница управляющего. Тис Вен рассказал мне, что ты прибыла вчера вечером и будешь учиться в нашей школе по индивидуальной программе. Зайди ко мне после завтрака. Мой кабинет находится рядом с выходом из столовой.

– Хорошо, тисса Лара, я обязательно найду.

Женщина кивнула и удалилась из столовой, а я поймала на себе заинтересованные взгляды десятка детских глаз. Конечно же, они все слышали и теперь сгорали от любопытства.

– Меня зовут Тоня, Тоника, – пояснила я, присаживаясь на край лавки и хватая последний пирожок с тарелки, – буду учиться вместе с вами. Но так как я сильно старше, то у меня будет какая-то особенная программа.

– Тоня, а можно я тебе тут все-все покажу потом? – спросил самый маленький мальчик. Едва ли ему исполнилось семь лет.

– Я – Берт, и мне сказали, что я могу стать наставником для следующего новенького в нашей школе, – продолжал мальчуган.

Мальчик был очень серьезным, а его друзья прятали улыбки в кулак. Я решила не расстраивать малыша, и согласилась.

– Конечно, Берт! Я буду очень рада, мне и правда очень нужен наставник. Я схожу после завтрака к тиссе Ларе, а потом ты мне все покажешь и расскажешь.

Малыш весь светился от собственной важности, а я поняла, что нашла себе идеального наставника в этом мире. Берт едва ли распознает во мне иномирянку.

После завтрака я отправилась в кабинет к помощнице управляющего. Я рассчитывала если не на ее дружбу, то хотя бы на покровительство. Мне так много нужно было узнать о мире и особенно о том, как женщина может здесь самостоя-

тельно жить и строить карьеру.

– Тисса Лара, – для приличия я постучалась, затем толкнула массивную дверь и вошла.

Кабинет оказался небольшим с выходящим на задний двор окном. В центре, боком ко входу, за массивным столом сидела помощница управляющего школой. На столе лежали стопки бумаг и, судя по всему, женщина пыталась свести итог, но суммы не сходились. Она нервно пересчитывала что-то, помогая себе на пальцах. Перечеркивала старые цифры и записывала новые.

– Кажется, я не вовремя, вы заняты, – произнесла я, намереваясь закрыть дверь и зайти позже.

– Нет, что ты! Наоборот. Заходи, а я отвлекусь от этих расчетов, – она кивнула на единственный в этой комнате свободный стул, предлагая присесть.

Я расположилась на краешке, сложила руки на коленях и выжидательно посмотрела на женщину. Она не спешила начинать разговор, но и я не знала, с чего начать.

– Я смотрела запись в твоей метрике, – наконец заговорила Лара, изучая меня внимательными серыми глазами, – твоя мать благородных кровей, дочь, пусть безземельного, но графа. В свое время она получила хорошее воспитание. Как так получилось, что правнучка известного политика и внука ученого оказалась безграмотной крестьянкой?

– Тисса Лара, мне хочется быть честной с вами, – во время ответа я чувствовала себя сапером на минном поле, ак-

куратно делающим каждый новый шаг, чтобы не оступиться на следующей же фразе. Услышав эти слова женщина слегка кивнула, и ни один волосок в ее строгой прическе не шелохнулся.

– Я совершенно не помню свою мать, – продолжила я. – Моим воспитанием занималась мачеха – честная, но бедная крестьянка. Отцу же приходится поднимать четверых детей и в ближайшее время они с Иргой ждут пополнения. Если бы не бабушка, я бы вышла замуж за соседа, так и не узнав ничего о своем происхождении.

Этот рассказ вполне устроил строгую женщину, и она кивнула в знак того, что история принята.

– Наверное, бабушка и правда тебя любит, а предстоящий брак был не лучшей партией, раз это вынудило ее сделать столь щедрое жертвование на счет школы.

Так вот куда вчера пропала бабуля! Пришлось глубоко вдохнуть, загоняя подступившие комом слезы благодарности к этой почти незнакомой мне женщине.

– Теперь нам придется интенсивно заняться твоим обучением, чтобы к совершеннолетию ты благополучно покинула стены школы и при этом не была похожа на дикую крестьянку.

– Я готова учиться без отдыха, – заверила я ее.

– Отмечу, что у нас никогда еще не было столь взрослой девочки, поступившей в школу, – продолжила она. – Но меня радует твое желание учиться. Обычно девочки не счита-

ют это необходимым.

Я еще раз заверила ее в своем намерении приложить все усилия, чтобы стать прилежной ученицей. На этом знакомство было закончено, и Лара приступила к описанию порядков, принятых в школе.

Чаще всего дети поступали на обучение на три года, после чего они либо возвращались домой с возможностью занимать какие-то должности, где нужна грамота, либо продолжали обучение в высшей школе еще в течении двух лет.

Школа так и назвалась – начальной, потому что давала лишь базовые знания о науках и мире. Воспитанники жили здесь на полном государственном обеспечении. Их не только учили и кормили, но и одевали и, при необходимости, оплачивали услуги лекаря. Немало внимания уделялось грамотной речи и изучению культуры и этикета. Эти дисциплины Лара преподавала сама.

Наверное, в нашем мире это можно было бы назвать школой-интернатом для одаренных детей.

Обучение в начальной школе необходимо было завершить до совершеннолетия, которое здесь наступало в шестнадцать лет.

– У тебя осталось меньше года на то, чтобы освоить трехлетнюю программу обучения и сдать экзамен. Если ты его провалишь, то вернешься в семью и не сможешь учиться дальше. И я уверена, что твоя рачительная мачеха быстро найдет жениха побогаче, чтобы получить за невесту, обуча-

шуюся в школе, выкуп побольше.

– Тисса Лара, уверяю вас, я сделаю все, чтобы успешно сдать экзамен, – я говорила с таким жаром, что сердце строгой женщины дрогнуло, и она, наконец, улыбнулась.

– Что ж, для начала займемся твоим внешним видом, а то платье твое совсем никуда не годится, – сказала она, а я почувствовала себя Золушкой, которая встретила фею-крестную.

Одежда ученицы, которую мне выдали, состояла из темно-коричневой грубо сшитой юбки чуть ниже колена, тонкой белой рубашки и жилетки в цвет юбке. К моей величайшей радости, выдавалась смена белья – вполне аккуратные панталончики на завязках. Не очень удобно, однако это было намного приятнее, чем ходить вообще без ничего. Спать предлагалось в белой просторной рубахе. Стиркой ученики не занимались. Раз в неделю необходимо было получать чистый комплект одежды, сдав грязную в прачечную.

Выходных в школе не было. Исключение составляли большие праздники. Обычно ученики проводили в классах четыре часа между завтраком и обедом, затем двухчасовой отдых и еще три часа учебы до ужина. Мне же, чтобы освоить программу, придется учиться и во время перерыва, и после ужина.

– Жилые комнаты не предназначены для самостоятельного обучения. Там слишком темно, – пояснила Лара. – Управляющий покажет тебе библиотеку, где ты сможешь занимать-

ся без помех.

– Веня, – начала было я.

– Веня – это для деревенских. А ты, если хочешь быть образованной, привыкай говорить грамотно. Тис Вен – так мы обращаемся к управляющему школой.

– Хорошо, тисса Лара, спасибо, – прошептала я, заливаясь краской смущения.

– Ну ничего, выучишься, станешь совершеннолетней и будешь тиссой Тоникой, – улыбнулась Лара, – а сейчас иди, до обеда ты свободна. Кажется, за дверью тебя ожидает юный поклонник.

За дверью меня нетерпеливо ожидал малыш Берт. В конце коридора я увидела группу хихикающих мальчишек постарше. Они поглядывали на Берта и что-то весело обсуждали. Кажется, они не верили, что такая взрослая девушка, как я, примет всерьез предложение самого младшего ученика стать моим наставником.

Гадкие мальчишки! Во всех мирах они одинаковы: любят подшутить над одноклассниками. Но иногда эти шутки бывают довольно жестоки. Я достаточно насмотрелась на такое, когда работала в школе.

Мне стало очень обидно за Берта: наверняка он, как самый младший, часто становился объектом шуток школьных товарищей. Вот и сейчас они с нетерпением ждут, как я откажусь от предложенной дружбы, и бедный ребенок даст новый повод для насмешек.

– Берт, очень рада, что ты меня дождался, – я улыбнулась мальчику, а он просто расцвел от моих слов, – я боялась заблудиться. Ты мне обещал все здесь показать. Идем?

Я протянула руку, и малыш вложил в нее свою теплую и немного влажную от волнения ладонь. Боковым зрением я заметила, что смешки в конце коридора стихли, но наблюдать за нами стали с еще большим интересом.

– Что тебе показать вначале? Хочешь, пойдем во двор, и посмотрим огород и птичник? Я там часто помогаю тиссе Ларе. А можем пойти в библиотеку! Там много книжек с картинками, я люблю их смотреть, потому что пока еще плохо читаю, – перечислял Берт варианты.

– На огород и птичник я насмотрелась в доме своего отца, а вот в библиотеке никогда не была, да и читать пока не умею, – призналась я.

Решив начать с библиотеки, мы двинулись по коридору и прошли мимо притихшей компании мальчишек. За поворотом нашлись и те, кого я сразу не заметила, в том числе и самый старший мальчик. Это был угловатый, немного угрюмый подросток. Обычно такие вечно всем недовольны, любят поспорить со взрослыми и при этом жутко стесняются своего ломающегося голоса. Он смотрел на меня тяжелым взглядом, не обещающим ничего хорошего.

Берт, как и все дети его возраста, был очень болтлив. Пока мы шли к библиотеке, я узнала, что он четвертый ребенок в семье, а всего их было шестеро, пока прошлой весной

самые младшие сестренки не умерли от горячки. А в школу его отдали, чтобы и он не умер, с голоду. Потому что мама не может работать, а зарплата отца не хватает на всю многочисленную семью.

Еще я узнала, что у кухарки роман с садовником, и он приносит ей трогательные букетики из капусты и морковки, а тисса Лара никогда не была замужем и не уходит из школы даже на праздники. А самого старшего ученика, того самого хмурого подростка, зовут Лекс. Ему тринадцать, а выглядит младше он из-за того, что плохо питался в детстве. Он заканчивает третий год обучения, является лучшим учеником и надеется после экзаменов поступить в высшую школу в городе, чтобы никогда не возвращаться в нищую семью. Как я его понимала!

Мне даже не нужно было задавать вопросы – Берт без умолку выдавал все известные ему факты. Лучшего информатора и представить себе было сложно! Я старалась запомнить все, но не успевала за своим наставником, чей рассказ был смесью как полезных мне сведений, так и случайных мыслей, влетевших в детскую голову.

Честно сказать, от библиотеки я ожидала большего. Надеялась увидеть стеллажи с учебниками, справочниками и художественной литературой, но оказалось, что книг здесь не более сотни и расставлены они совершенно бессистемно. Книжки с картинками стояли и лежали вперемешку с учебниками по математике и другим дисциплинам, поэтому най-

ти что-то с первого раза было довольно сложно. Но Берт без труда отыскал те книги, что были его любимыми, и которые он хотел мне показать.

Это были сказания и легенды, детские сказки с картинками и иллюстрированный справочник растений и животных. Берт читал пока еще очень плохо, с трудом складывая буквы в слова, поэтому мы просто рассматривали иллюстрации, а мальчик пытался прочитать подписи к ним.

А я задумалась о том, почему я так хорошо знаю местный язык. Скорее всего, эта способность досталась мне вместе с моим новым телом. У себя в голове я думала и строила предложения по-русски, но когда начинала говорить, то неосознанно использовала местный язык. Кажется, чтобы научиться читать и писать на языке этого мира, мне придется очень сильно постараться.

Мы не заметили, как пролетело время до обеда, и по коридорам разнеслись глухие металлические удары – аналог школьного звонка.

– Ой, уже обед! Я и не заметил, – удивился Берт и принялся раскладывать книги по местам.

– А почему ты сейчас был не на уроке? – удивилась я, вспомнив, что говорила Лара о расписании занятий.

– Так завтра праздник Солнцестояния. Все готовятся, уроков сегодня и завтра не будет. Мы соберемся лишь вечером, когда тис Вен будет читать нам волшебные сказания. Я очень люблю, как он читает! Ты словно улетаешь в волшеб-

ный мир и взаправду встречаешь всех тех чудовищ и волшебных существ, про которых написано в книге.

– А разве их не существует на самом деле?

– Вот ты смешная! Вроде такая большая, а как будто маленькая – рассмеялся мой друг, – это все было, но много-много лет назад. Сейчас уже не осталось ни магии, ни чудовищ! Еще скажи, что драконы существуют!

Тут я растерялась, ведь видела этих существ на страницах учебника. Жаль, не смогла прочитать текст. Возможно, это был рассказ о вымерших в древности животных, вроде наших динозавров.

Когда мы пришли в столовую, то обнаружили там всех учеников, жадно поедающих похлебку. Берт побежал на свое обычное место, а я, как и утром, села с краю и придвинула к себе тарелку с обедом. Я старалась сосредоточиться на еде и не обращать внимания на тяжелый взгляд, которым Лекс сверлил меня с противоположного угла стола.

Глава 6

Насколько я успела узнать, в этом мире не было сильных религиозных культов. Люди не придумали себе богов, похожих на них самих, и не стали затем им поклоняться. Вместо этого здесь чтили природу и стихии, а потому самыми главными праздниками были дни солнцестояния и равноденствия.

День Зимнего Солнцестояния начинал год, а летом праздновали его расцвет. В праздники вспоминали древнюю ма-

гию, которая давно уже покинула этот мир, но память о ней еще хранилась в легендах и детских сказках.

Из рассказа Берта я поняла, что носителями магии в древности были драконы – магическая раса полуоборотней. Они давно уже не являлись людям, а потому в дни празднеств люди лишь чтили память и вспоминали древние сказания.

У каждого праздника была своя стихия. Так, день Летнего Солнцестояния был неразрывно связан со стихией огня и силой солнца. В этот день полагалось носить яркие золотисто-оранжевые одежды, готовить праздничный пирог из желтков яиц, а вечером непременно жечь костры. Каждому празднику покровительствовал свой дракон.

Занятий накануне Солнцестояния не было, зато после обеда все ученики собрались в самой большой классной комнате для совместного чтения. Мы расселись за парты. Берт по-рыцарски предложил мне занять место подле него. Учитель Вен достал несколько книг, а затем обернулся к аудитории.

– Лекс, ты лучший ученик школы, поэтому право почитать нам старинные легенды достается именно тебе, – сказал учитель.

Мальчишка важно прошел к учительскому столу. Он словно стал выше и шире в плечах, а, может, наконец, просто перестал сутулиться. Учитель предложил ему занять свое место, выложил на стол несколько книг, а сам сел за свободную парту.

Было видно, что Лекс сильно волнуется. Когда он начал читать, то его приятный голос, оформившийся, как мягкий баритон, несколько раз срывался на высокие ноты, что вызывало смех остальных учеников, чьи голоса еще не начали ломаться.

Однако, по мере чтения, голос его становился увереннее и набирал силу. Мы же с Бертом были самыми внимательными слушателями, потому что это было наше первое знакомство с легендами и сказаниями, связанными с Летним Солнцестоянием.

Сначала была прочитана легенда о сотворении мира, что был создан четырьмя древними драконами, каждый из которых покровительствовал определенной стихии. После того, как работа была завершена, каждый из драконов избрал себе сторону света и улетел за горизонт. С тех пор в день Великих празднеств люди на горизонт и ждут появления дракона.

В день Летнего Солнцестояния все взоры будут обращены на юг, а жрецы будут искать знаки, которые могут означать явление Огненного дракона.

Дальше было сказание о древнем герое-путешественнике Аммеке, который отправился из наших земель в странствие, дабы получить в жены царскую дочь. Девушка любила его всем сердцем, а отец хотел подтверждения чувств жениха.

В своих приключениях Аммак попал в далекую страну, лежащую за горизонтом, на другой стороне мира. Правил

страной справедливый и мудрый потомок Огненного Дракона. Герой поступил к нему на службу, и целых десять лет был верен своему новому господину, пока не встретил в саду прекрасную девицу, которая оказалась дочерью правителя.

Аммек не смог совладать с собой, влюбился и забыл все клятвы, данные своей невесте на родине. Мужчина соблазнил юную красавицу и уговорил ее сбежать из родительского дворца.

Влюбленные долго скитались, преследуемые стражей разгневанного отца, но Аммек был проворнее и находчивее. Наконец, наступила драматичная развязка этой истории – в день Летнего Солнцестояния дочь Дракона родила сына-полукровку и сама скончалась во время родов.

Убитый горем Аммек не придумал ничего лучше, как взять сына и вернуться на родину. Там его встретила царская дочь, которая все эти годы ждала возвращения любимого и отказывала другим женихам. Царевна была рада возвращению Аммека, но сын от драконьей принцессы напоминал о его неверности.

Они все-таки поженились, и их потомки основали нынешнюю правящую династию. А старший сын Аммека получил в распоряжение собственный остров и замок. Мальчик рос изгоем, хоть и был потомком великих драконов.

А в день его совершеннолетия, когда все праздновали Солнцестояние, великий свет озарил весь остров. Люди бы-

ли ослеплены и несколько минут не могли ничего видеть. Когда же их зрение восстановилось, то все поняли, что принц исчез. Его больше никто не видел, хотя замок и до сих пор, спустя сотни лет, содержится в хорошем состоянии в ожидании возвращения своего юного владельца.

Спустя какое-то время на острове стали расти странные деревья, дающие сочные ароматные рыжие плоды. Их так и называли – рыжики. Как садоводы ни бились, вырастить рыжики за пределами острова не получалось.

Аммек горевал после потери сына от любимой женщины. Он знал, что не вечен, а вот сын его наверняка обладал долголетием и древней магией, которая и скрыла его в тот в день. Отец надеялся, что сын когда-нибудь вернется, а потому повелел раз в три года отбирать ему трех невест и селить их в замке на острове.

Шли столетия, события тех дней позабылись, лишь старый замок с десятком слуг да ароматные круглые рыжики напоминали об этой легенде. Принц так и не вернулся, но царский двор до сих пор в положенное традицией время отправляет трех девиц, которые три года должны прожить в замке в статусе драконьих невест. По истечении этого срока девушки, получив солидное приданое, могут выйти замуж за вельмож или царских советников.

Я замороженно слушала сказку за сказкой. Сюжеты были одновременно похожи на знакомые мне с детства и в то же время разительно отличались от всего того, что я слышала

до этого момента.

Из мечтательного состояния меня вывела помощница управляющего. Лара влетела в класс, оборвав чтение на полуслове. Почти вплотную подбежав к управляющему, она начала что-то горячо ему говорить. Было не очень хорошо слышно, но я поняла, что случилась катастрофа – такое взбудораженное состояние не вязалось с этой степенной женщиной.

– Тисса Лара, возьмите Тонику в помощницы, – сказал управляющий, – думаю, она справится.

Тисса скептически посмотрела в мою сторону. Видимо, предложение Вена ее не очень воодушевило.

– Тоня, – сказала Лара, подходя ко мне, – ты готовить умеешь?

Сначала я кивнула неуверенно. Потом повторила более энергично и подтвердила:

– Умею.

Женщина с облегчением выдохнула.

– Идем со мной, кухарка слегла с коликой, а нам нужно приготовить угощения к празднику.

Я послушно встала и последовала за Ларой на кухню, которая выглядела непривычно пустой без галдящих учеников. Здесь был не открытый очаг, как в деревенском доме, а большая полноценная печь. Она была жарко растоплена. На большом столе вперемешку лежали продукты и какие-то обрывки с записями. Возможно, рецепты. Я посмотрела на взвол-

нованную Лару.

– К завтрашнему празднику мы должны представить традиционный солнечный пирог к столу старосты. Глава попечительского совета школы тоже почтит праздник визитом. А еще нужно подготовить угощения для всех детей на площади. Что-то легкое, необычное и вкусное.

– Мне нужен рецепт пирога, – начала было я, и женщина сунула мне в руки один из листков. – Но я не умею читать.

Лара разочарованно вздохнула, видимо, понимая, что неправильно выбрала себе помощницу.

– Я думала, что крестьянский солнечный пирог сможет испечь любая хозяйка, – сказала она упавшим голосом.

– Нет-нет, приготовить я смогу практически все, что угодно, – заверила я ее, – мне просто нужно прочесть рецепт, по которому обычно готовят здесь этот пирог. У каждой хозяйки свои секреты. Вдруг то, к чему я привыкла, окажется недостаточно хорошо для старосты и его гостей.

Лара с сомнением взяла листок и прочла мне рецепт. Традиционный солнечный пирог оказался не чем иным, как кишом – открытым пирогом из песочного теста. Единственная его особенность – для приготовления использовались только желтки, что должно было придавать готовому блюду насыщенно желтый оттенок. Даже для заливки использовалась смесь желтков и сливок.

Кухарка успела приготовить начинку из мяса, овощей и грибов. Мне лишь оставалось замесить тесто и выложить пи-

пирог в большую круглую форму.

– Все готово, – сказала я, закончив выливать смесь сливок и желтков поверх начинки.

– Скорее ставь пирог в печь, – радостно скомандовала Лара.

Я с сомнением покачала головой.

– Печь еще слишком горяча, мы сожжем пирог. Надо немного подождать, пока жар спадет. Пока можем заняться приготовлением второго блюда. Какой там рецепт?

– Второго рецепта нет, – упавшим голосом ответила женщина, – каждый раз это что-то новое.

Я оглядела стол в поисках вдохновения. В глубокой миске была пара десятков яичных белков, которые остались после приготовления предыдущего блюда.

– Мука, сахар, – перечисляла я шепотом продукты, которые видела, и прикидывала, что можно приготовить.

Бисквит? Блины? Оладьи? Все было либо не очень праздничным, либо неудобным, чтобы дети могли есть это на ходу. Лара внимательно следила за моими действиями и снова начинала беспокоиться. И тут меня озарило. Меренги! Красивое легкое угощение, которое не пачкает и выглядит очень необычно.

Единственное, что меня огорчило – необходимость ручного взбивания белков. Но кто сказал, что руки будут мои?

– Тисса Лара, мы будем готовить меренги – легкую сладость из белков и сахарного сиропа.

Женщина непонимающе смотрела на меня. Возможно, даже решила, что я немного сумасшедшая.

– Матушка готовила их, когда я была ребенком, – пояснила я.

– Что для этого нужно? – спросила женщина понимая, что другого варианта у нее нет.

– Нужно позвать пару крепких ребят, чтобы они вилкой взбивали белки, пока я готовлю сахарный сироп.

Лара кивнула и скрылась за дверью. Через пару минут она вернулась с тремя самыми старшими учениками. Одним из них был недовольный Лекс. Малыш Берг тоже увязался и теперь с любопытством поглядывал на меня. Я подмигнула ему и повернулась к более взрослым помощникам.

– Перед вами сложная и ответственная задача. Необходимо взбить белки до устойчивых пиков. Делается это вот так. – Я показала, как необходимо действовать вилкой. – Времени это займёт много, и вы наверняка устанете, поэтому будете взбивать по очереди.

Молодые люди всем своим видом давали понять, что работа на кухне ниже их достоинства. Особенно недоволен был Лекс, который окинул меня презрительным взглядом. Но на мою решительность это никак не повлияло.

Пока мальчики начали неумело взялись за белки, я поставила пирог в немного остывшую печь и занялась сахарным сиропом.

В своей прошлой жизни я часто делала безе, используя

для этого белки и сахарную пудру. Но сейчас у меня в распоряжении был кусковой сахар с крупными кристаллами. Измельчить такой было сложно, сахарные крупинки ощущались бы в готовых безе. Поэтому я решила приготовить меренгу по итальянскому рецепту – сначала растопить сахар в воде, а потом нагреть сироп и выпарить всю воду. Преимуществом такого способа приготовления была еще и безопасность – горячий сироп, влитый в белки, обезопасит нас от сальмонеллеза, о котором тут вряд ли кто-то знал.

Рядом с печью была еще и каменная плита. Я разожгла огонь, водрузила на плиту большой горшок с водой, всыпала сахар и позвала Берта, чтобы он стоял и помешивал сироп по мере того, как вода будет испаряться.

Лара смотрела на мои действия, как на волшебство. Я проверила работу мальчиков, которые сменяли друг друга уже в третий раз. Белки превратились в жидкую пену, но до образования пиков было еще очень далеко.

– Тисса Лара, мне нужна будет плотная бумага, чтобы меренги не пристали к противню во время просушки.

Женщина кивнула и покинула кухню. Через несколько минут она вернулась с несколькими листами бумаги. Я смазала бумагу маслом и разложила ее на двух противнях.

Тем временем сироп был почти готов, а вот белки никак не хотели взбиваться. Руки у моих помощников уже с трудом поднимались. Они смотрели на меня почти с ненавистью, но молчали, не смея возмутиться в присутствии Лары.

Наконец, я была удовлетворена качеством взбивания и отпустила мальчишек с кухни.

– Спасибо, вы очень сильно помогли, мальчики, – сказала я на прощание, а в ответ снова получила лишь презрительные взгляды, – тисса Лара, теперь нужна ваша помощь. Я буду продолжать взбивать белки, а вы вливайте сироп тонкой струйкой.

Спустя несколько минут меренга была готова, оставалось только выложить смесь на бумагу и отправить угощение в печь на просушку. К этому времени как раз был готов наш солнечный пирог, который я вынула из печи и положила остывать под тонкое полотенце.

– Берт, идем делать самое важное, – я вручила малышу ложку, и мы принялись аккуратно выкладывать белковую смесь на бумагу. Конечно, меренга, выложенная с помощью кондитерского мешка, была бы более красивой, но я реально оценивала свои возможности.

Вдвоем с Бертом мы довольно быстро разложили меренги. Если по готовой горке немного поводить ложкой, то можно было получить интересный узор. Лара наблюдала за моими действиями, как за волшебством или фокусом. Наконец я убрала противни с меренгами в немного остывшую печь.

– Тоня, тебе не кажется, что эти твои меренги не пропекутся в холодной печи? – С волнением спросила женщина.

– Нет, тисса Лара. Все в порядке: меренги не должны пекаться. Им необходимо подсохнуть.

Через час на столе высилось блюдо с белыми, идеально глянцевыми меренгами, которые, я была уверена, очень понравятся детворе на завтрашнем празднике.

Празднование Солнцестояния начиналось еще до восхода солнца. Накануне вечером Лара раздала нам золотые ленты, которые следовало повязать на запястья и вплести в волосы. Для малышей мы сделали подобие флажков, повязав такие же ленты на палочки.

Рассвет только занимался, а обитатели школы, во главе с управляющим Веном, уже вышли на улицу. На улице в этот ранний час были все жители деревни. Стариков поддерживали дети и внуки, младенцы спали на руках у матерей. И все вокруг было украшено трепещущими на ветру золотыми лентами.

Люди по одному, парами и семьями стекались на главную улицу, по которой двигались дальше на восток. В толпе я заметила и своих родственников: бабушку, отца с мачехой и сводную сестру с братьями. Мы лишь издали кивнули друг другу.

Молча миновав центральную площадь, собравшиеся продолжили движение к окраине деревни и дальше. Никто не разговаривал, а нарушителей тишины строго одергивали соседи.

Влажная от утренней росы трава холодила босые ноги. Птицы уже начинали петь, подгоняя разгорающийся рассвет. Наконец, мы поднялись на холм и остановились на его вер-

шине. Здесь разрешалось присесть тем, кому дорога далась тяжело и кто не мог долго оставаться на ногах. Для этого на восточном склоне холма лежали поваленные деревья. Их стволы в течении многих лет полировали дождь и ветер.

И как только первый луч солнца озарил небосвод, мир взорвался миллионом новых звуков. Тысячи птичьих голосов возвестили о начале нового дня, а люди торжественно и радостно поддержали их песней приветствия солнцу. Низкие мужские, взволнованные женские и звенящие детские голоса пели вместе с миром. Почти все, кто все еще отдыхал на поваленных деревьях, встали, чтобы почтить начало великого праздника. Лишь дряхлые старики, да дети, неуверенно стоящие на ногах, остались сидеть. Казалось, воздух стал осязаемым и завибрировал. Вот золотисто-розовый небосвод подернулся рябью, и над ним величественно показалось Солнце.

До этого момента я вполне неплохо справлялась с ролью неграмотной сельской девочки, но сейчас оказалась на грани провала – даже маленькие дети знали праздничную песню, которой жители приветствовали рассвет в день Солнцестояния.

Мелодия была несложная, много протяжных гласных, только текст я не знала совершенно. Что-то про огонь, золото и древнюю силу. Я постаралась встать подальше от взрослых и сделала вид, что хочу поддержать разволновавшегося Берта. Положив руку на плечо мальчика, я старательно тянула

гласные и подхватывала припев. Но, по большей части, всего лишь открывала рот и практически ни звука не издавала.

Наконец, песня завершилась, а Солнце полностью поднялось над горизонтом. В этот миг возгласы ликования, хлопki и улюлюканье разнеслись над долиной. Дети махали золотыми флажками, многие подкидывали в небо золотые ленты, переливающиеся в ярких лучах, отчего казалось, что весь склон сияет подобно солнцу.

Назад в деревню шли шумной нестройной толпой. Многие здоровались с родственниками и друзьями, поздравляя их с праздником. Ко мне подбежали Парк и Тир и, весело смеясь, несколько раз оббежали кругом. Кажется, они успели соскучиться по своей старшей сестре.

Пришлось найти родственников в толпе, чтобы поприветствовать. С особой теплотой я обняла бабулю, поблагодарив ее за то, что она помогла мне попасть в школу. Но о том, что знаю про ее пожертвование я умолчала. Сводная сестра Марта поинтересовалась, как я устроилась на новом месте и есть ли в школе интересные мальчишки. Я вспомнила лишь зазнайку Лекса и, рассмеявшись, отрицательно покачала головой. К сожалению, тот, о ком я подумала в этот момент, и вопрос сестры услышал и мой ответ увидел. Обогнав нас, он удостоил меня таким презрительным взглядом, что мне показалось, будто пространство вокруг подернулось инеем. Странное ощущение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.